

КЛАССНАЯ КЛАССИКА



Йоханна Спирри



ХАЙДИ



М Machaon

Йоханна Спири

Хайди

Серия «Классная классика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69412888

Спири Й. Хайди: Азбука-Амтикус; Санкт-Петербург; 2022

ISBN 978-5-389-23746-9

Аннотация

Йоханна Спири – швейцарская писательница, автор замечательных произведений для детей, самое известное из которых – повесть «Хайди». Увидевшая свет в 1880 году, книга мгновенно стала популярной и впоследствии была переведена более чем на 50 языков. Главная героиня повести – маленькая девочка Хайди – своей искренностью и добродушием завоевала любовь юных читателей. Дети с большим интересом следят за приключениями Хайди, любят вместе с ней живописными склонами Швейцарских Альп, радуются, мечтают, в общем, с удовольствием проводят время.

Содержание

Н. Дровалёва.	6
Годы странствий и учения Хайди	11
К Дяде Альму в горы	12
У дедушки	31
На выпасах	42
У бабушки	61
Визит, и затем ещё один – с более важными последствиями	79
Новая глава, где одно только новое	95
Конец ознакомительного фрагмента.	104



Йоханна Спири

Хайди

© Набатникова Т.А., перевод на русский язык, 2022

© Капустина О.Н., иллюстрации, 2022

© Оформление, вступительная статья. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022 Mashaon®

* * *

Н. Дровалёва.
«Истинное утешение для души – вновь обрести то, что было нам дорого»



Йоханна Спири
1827–1901

Йоханна Луиза Спири родилась в живописной сельской местности Хирцель на левом берегу Цюрихского озера. Здесь высокое синее небо смотрело вниз со всех сторон, тут и там выглядывали горные хижины, мимо которых проворные пастухи-козопасы гнали свои стада. Весной на альпийской зелени лучились синевой горечавки, краснели примулы, розовели нежные ладанники, а ветер доносил до лежащих в долине деревенок ароматы высокогорных пастбищ...

Несмотря на простое происхождение, отец девочки Йоханн Якоб Хойссер исполнил свою мечту и стал высококвалифицированным врачом, а мать Мета (позднее – известная поэтесса в немецкоязычном мире) получила хорошее домашнее образование благодаря стараниям своего отца – сельского священника. У Хойссеров было шестеро детей, за которыми присматривали родственники семьи, поэтому Йоханна никогда не чувствовала себя одинокой.

Профессия отца будущей писательницы очень рано познакомила девочку со смертью и страданием. В доме хирурга и врачевателя нервных болезней Хойссера часто жили душевнобольные пациенты, за которыми врачу приходилось наблюдать многие месяцы. И это не говоря о том, что дети могли стать свидетелями хирургических операций, которые тут же проводил отец писательницы. Знала Йоханна

и ещё одну сторону жизни. Родители часто навещали бедных, ухаживали за больными и приучали к тому же своих детей – отправляли их в дома самых нуждающихся людей округи в качестве посыльных. Йоханна научилась ценить то, что могло бы казаться самым собой разумеющимся и совершенно обыкновенным, – возможность гулять с братьями и сёстрами по высокогорным пастбищам и заниматься тем, к чему лежит душа. Тем не менее детство, проведённое в Хирцеле, по признанию самой писательницы было для неё самым счастливым временем. Родители девочки позаботились о том, чтобы все их дети получили хорошее образование и ни в чём не нуждались.

После школы и частных уроков по истории, географии, немецкой литературе и черчению, которые ей давал швейцарский поэт и священник Соломон Тоблер, Йоханна продолжила образование в Цюрихе. Здесь, живя у тёти, она обучалась музыке и языкам, после этого изучала французский язык в пансионе для девушек.

В 1852 году Йоханна вышла замуж и переехала в Цюрих. В городе в течение многих лет она тосковала по дому и природе. Отдушиной для неё становились лекции по языкознанию и литературе. В возрасте сорока четырёх лет Спири выпустила своё первое произведение под названием «Листик на могиле Врони» (1871), которое было адресовано взрослым и принесло ей известность. Успех вдохновил писательницу, теперь она стала сочинять истории и для детей.

В августе 1879 года Йоханна гостила у своей подружки, где они много гуляли в окрестностях Майенфельда. Поговаривают, что на одной из прогулок подруг обогнала хорошенькая маленькая девочка, которая и послужила прототипом Хайди. Необычайная красота, открывавшаяся взору писательницы во время этих прогулок, напомнила ей о родных местах и стала декорациями к истории о Хайди. Книга начинается следующими словами: «От приветливой деревни Майенфельд пешеходная дорога по зелёным, лесистым лугам приводит к подножию гор, которые строго и свысока взирают на долину по эту сторону хребта. Очень скоро навстречу пешеходу, вышедшему из деревни, хлынет аромат вересковой степи и крепкий настой горного разнотравья, поскольку тропа круто поднимается вверх и ведёт напрямик в Альпы». Воспоминания о лугах, окружавших дом Хойссеров, воплотились в этих описаниях.

Всего за месяц Спири завершила историю о Хайди. Книга вышла из печати в 1880 году и сразу же стала необычайно популярной. Тётя сиротки Хайди, получив хорошую работу во Франкфурте, решает оставить малышку на попечение дедушки – Дяди Альма. Многие в округе старика побаивались и сторонились, но, когда в доме появилась Хайди, жизнь его стала совсем другой. Изменилась и жизнь девочки: вместе с козопасом Петером она ходила на выгон коз, наблюдала за орлами в небе, любовалась закатами в горах. Однажды в горную хижину вернулась тётя в надежде забрать девоч-

ку во Франкфурт в богатую семью, которая искала подружку для своей дочери, сидящей в инвалидной коляске. Жизнь в городе стала для Хайди настоящим испытанием: здесь не было видно звёзд, не было дорогих сердцу людей. Это чувство тоски Хайди по любимым людям, по горам, по звёздному ночному небу и шуму елей передано писательницей очень точно, ведь она сама так когда-то тосковала по дому.

В преклонном возрасте Йоханна Спири всё чаще стремилась туда, где простор напоминал ей о беззаботном детстве: летом она уезжала в горы, а зимой – на Итальянскую Ривьеру. Для неё такие путешествия наряду с сочинением повестей и рассказов (в 1882 году выходит «История Рико», а спустя два года – «Дети Гритли») оставались единственной отдушиной. В своих воспоминаниях писательница возвращалась на луга, по которым она гуляла с братьями и сёстрами, на миг обретая то, что было ей дорого. Образы из детства живо вставали перед её взором, и строчка за строчкой ложились на бумагу...

*Наталья Дровалёва,
кандидат филологических наук*

Годы странствий и учения Хайди



К Дяде Альму в горы





От приветливой деревни Майенфельд пешеходная дорога по зелёным, лесистым лугам приводит к подножию гор, кото-

рые строго и свысока взирают на долину по эту сторону хребта. Очень скоро навстречу пешеходу, вышедшему из деревни, хлынет аромат вересковой степи и крепкий настой горного разнотравья, поскольку тропа круто поднимается вверх и ведёт напрямиком в Альпы.

По этой узкой горной тропе поднималась в предгорья ясным июньским утром рослая и крепкая девушка, ведя за руку ребёнка, щёки которого пылали так, что румянец пробивался даже сквозь тёмный загар. И неудивительно: ребёнок, несмотря на жаркое летнее солнце, был так закутан, будто ему предстояло выйти на лютый мороз. С виду девушка не доросла и до пяти лет; о комплекции её судить было трудно, поскольку на неё надели две, если не три одежды, а поверх одёжек ещё крест-накрест обвязали большим красным платком, так что она представляла собой бесформенную грудку, которую воткнули в два тяжёлых, подбитых гвоздями башмака и заставили карабкаться в гору, пыхтя и полыхая жаром. Они уже с час шагали из долины в гору, когда добрались до деревушки, что располагалась на полпути до горных пастбищ – альма – и так и называлась: Деревушка. Тут идущих стали окликать едва ли не из каждого двора – то из окна, то из дверей, а то с дороги, ведь девушка пришла в своё родное селение. Однако же она нигде не замедлялась, на ходу отвечая на приветствия и вопросы, и не остановилась, пока не дошагала до последнего домика на отшибе. Тут ей крикнули из дверей:

– Постой, Дета! Я с тобой, если ты наверх.

Девушка остановилась на зов; ребёнок тотчас отпустил её руку и уселся на землю.

– Что, Хайди, устала? – спросила провожатая.

– Нет, мне жарко, – ответила девочка.

– Уже скоро придём, потерпи немного. Шагай пошире – и быстрее дойдём, через час уже будем на месте, – подбодрила её спутница.

Тут из дверей вышла широкая женщина добродушного вида и примкнула к идущим в гору. Девочка поднялась с земли и зашагала вслед двум женщинам, которые тотчас завязали оживлённый разговор старых знакомых обо всех жителях Деревушки и окрестных хуторов.

– А куда это ты наладилась с дитём, Дета? – спросила наконец попутчица. – Никак это твоей сестры дитё, сиротка?

– Она самая, – ответила Дета, – я её к Дяде веду, хочу её оставить у него.

– Что, оставить дитё у Дяди Альма? Да ты в своём ли уме, Дета! Как ты можешь? Старик тебя прогонит с твоей задумкой!

– Не прогонит, как-никак он дед и тоже должен что-то сделать для ребёнка, до сих пор ребёнок был на мне, а теперь, скажу уж тебе, Барбель, мне подвернулось место, такое, что упускать нельзя, не хочу его терять из-за ребёнка. Вот пусть теперь дед меня заменит.

– Да был бы он как все, нормальный, кто бы спорил, –

с жаром настаивала Барбель, – но ведь ты же его знаешь. Что он будет делать с дитём, да ещё с таким маленьким? Не приживётся она у него. А сама-то ты куда?

– Во Франкфурт, – объявила Дета, – там мне предлагают место, очень хорошее. Господа ещё прошлым летом отдыхали внизу, на курорте, их комната была в моём коридоре, я у них убирала, и они ещё тогда хотели взять меня с собой, но я не могла уйти, а теперь они снова здесь и хотят забрать меня, а я на сей раз и сама хочу уйти, можешь не сомневаться.

– Не хотела бы я оказаться на месте этого дитёнка! – воскликнула Барбель, ограждаясь обеими руками. – Ведь неизвестно, что там с этим стариком! Чужая душа – потёмки. Он ни с кем не хочет знаться, ногй его не было в церкви годами, а если и спустится вниз раз в год со своим суковатым посохом, так все от него шарахаются. Бровищи седые на глаза нависают, бородища лопатой, ну что твой язычник или индеец, Господь не приведи столкнуться с таким на пустой дороге.

– А хоть бы и так, – упрямо стояла на своём Дета, – он дед, вот пусть и заботится о внучке. Поди-ка, ничего он ей не сделает, а если что, так отвечать придётся ему, а не мне.

– Хотела бы я знать, – Барбель перешла на пытливый тон, – что же такое на совести у старика, если у него такой тяжёлый взгляд, если он живёт там, на альме, один-одинёшенек и, почитай, никогда не показывается на люди. Говорят-то про него всякое. Но тебе лучше знать – небось слыхала что-

нибудь от сестры, а, Дета?

– Слыхала, да не скажу: если до него дойдёт, то мне не поздоровится!

Но Барбель давно разбирало любопытство: какая тайна кроется за поведением Дяди Альма, откуда такой грозный вид, отчего он живёт на высокогорном альпийском лугу совсем один, а если о нём заходит речь, то люди стараются отделаться парой слов, как будто боятся сказать что-нибудь против него, но и за него высказываться не хотят. Барбель не знала также, отчего все в Деревушке зовут его Дядя Альм. Какой же он дядя всей деревне? Но уж коли так, она тоже называла старика не иначе как Дядя. Барбель не так давно вышла в Деревушку замуж, а прежде жила внизу, в Преттигау, поэтому ещё не вполне была знакома со всеми местными делами и особыми личностями Деревушки и её окрестностей. Дета, её добрая знакомая, наоборот, была родом из Деревушки и до недавнего времени жила здесь со своей матерью; но год назад мать умерла, и Дета перебралась вниз, в Бад-Рагац, где имела хороший заработок горничной в большом отеле. Она и в это утро пришла сюда с ребёнком из Рагаца; до Майенфельда им удалось добраться на телеге: их подвёз знакомый по пути.

Барбель не хотела упустить возможность хоть что-то выведать. Она доверительно взяла Дету под руку и сказала:

– От тебя можно хотя бы узнать, верно ли говорят люди и много ли привирают: ты-то, чай, знаешь всю историю. Ска-

жи мне хоть немного, что со стариком и всегда ли он был такой суровый и такой человеконенавистник.

– Всегда ли он был такой, я в точности знать не могу, мне всего-то двадцать шесть, а ему наверняка все семьдесят, так что молодым я его не застала, на это ты напрасно рассчитывала. Но если бы мне быть уверенной, что это не разойдётся потом по всему Преттигау, я могла бы тебе много чего о нём рассказать: моя мать была родом из Домлешга, и он тоже.

– Ах, Дета, ну что ты такое говоришь! – с обидой воскликнула Барбель. – В Преттигау не так уж охочи до сплетен, а я тоже не болтлива, когда надо. Расскажи мне, тебе не придётся об этом жалеть.

– Ну ладно, так и быть, только смотри слово держи! – предупредила Дета. Но для начала оглянулась, далеко ли ребёнок и не услышит ли то, что она собралась рассказать. Но девочки вообще не было видно, она, должно быть, уже давно отстала от своих провожатых, а те за разговором не заметили.

Дета огляделась. Тропинка петляла, но просматривалась вниз чуть ли не до самой Деревушки, и на ней никого не было.

– А, вон она, – воскликнула Барбель, – видишь? – И она показала пальцем далеко в сторону от тропинки. – Карабкается по склону вместе с Петером-козопасом и его козами. А чего это он сегодня так припозднился со своей скотиной? Ну вот и славно, он присмотрит за ребёнком, а ты можешь

мне спокойно всё рассказать.

– Петеру совсем не обязательно за ней присматривать, – заметила Дета, – она не так глупа для своих пяти лет, всё видит и понимает, что почём, уж это я за ней примечала. И это ей пойдёт на пользу, ведь у старика больше ничего не осталось, кроме двух коз да горной хижины.

– А раньше было больше? – спросила Барбель.

– У него-то? Ещё бы, имел и побольше, – с горячностью ответила Дета. – Один из лучших крестьянских дворов в Домлешге – вот что он имел. Он был старшим сыном, а всего их было два брата. Младший был тихий и порядочный. А старший не хотел ничего делать, только изображал из себя большого барина, разъезжал по округе и связался с дурными людьми, которых тут никто не знал. Он промотал и проиграл всё имение, а когда это открылось, его отец и мать с горя умерли друг за другом, младший брат, оказавшись ни с чем, пошёл по миру неведомо куда, а сам Дядя, лишившись всего, кроме дурной славы, тоже пропал из виду. Поначалу никто не знал, куда он делся, потом говорили, что он подался в Неаполь в солдаты, потом о нём не было ни слуху ни духу лет двенадцать-пятнадцать. Потом он нежданно-негаданно снова появился в Домлешге с мальчиком-подростком и хотел пристроить его у кого-то из родни. Но перед ним закрывались все двери, и никто не хотел с ним родниться. Очень его это ожесточило. Он сказал, ноги его больше не будет в Домлешге, и подался сюда, в Деревушку, и жил тут с мальчиш-

кой. Жена, видать, была из Граубюндена, там он её встретил, там и потерял. Деньги у него, должно быть, ещё водились, потому что мальчика, Тобиаса, он отдал в обучение ремеслу, и тот стал хорошим плотником и порядочным человеком, уважаемым во всей Деревушке. Но Дяде не доверял никто, и даже поговаривали, что из Неаполя он дезертировал, иначе бы дело для него добром не кончилось, потому что он якобы кого-то там убил – ясное дело, не на войне, как ты понимаешь, а в драке. Мы, однако, родство признали, ведь бабушка моей матери была сестрой его бабушки. Вот мы и звали его Дядя, а поскольку мы, почитай, со всеми в Деревушке хоть в каком-нибудь да родстве, то и все остальные тоже звали его Дядя, а с тех пор, как он поселился на альме, за ним так и закрепилось прозвище Дядя Альм.

– А что же потом стало с Тобиасом? – любопытствовала Барбель.

– Погоди, дойдёт черёд и до него, не могу же я рассказать всё сразу, – окоротила её Дета. – Так вот, Тобиас был в учении на стороне, в Мельсе, а как только выучился, вернулся домой в Деревушку и женился на моей сестре Адельхайд, потому что они всегда нравились друг другу и, когда поженились, тоже ладили между собой. Но продлилось это недолго. Уже через два года на строительстве одного дома на него упала балка и убила его насмерть. А когда его, раздавленно-го, принесли домой, Адельхайд от ужаса и горя впала в горячку да так больше и не оправилась. Она и раньше-то была

не очень крепкой, а иногда у неё бывало такое состояние, что и не скажешь, то ли она спит, то ли бодрствует. Как Тобиаса убило, не прошло и месяца, а мы уж и её похоронили. Во всей округе только и разговоров было, что про их ужасную судьбу, и кто шёпотом, а кто и вслух заводил речь: мол, это наказание Дяде за его безбожную жизнь. Ему и в глаза это говорили, и даже господин пастор взывал к его совести, мол, покайся хотя бы теперь, но тот становился только мрачней и нелюдимей и всё больше замыкался, да и его все стали сторониться. Вот так и получилось, что Дядя поселился на высокогорном альме и больше вообще не спускается вниз, так и живёт с тех пор там, не примирившись ни с людьми, ни с Богом. Малое дитя Адельхайд мы с матерью взяли к себе, ей был всего один годик. Но мать умерла прошлым летом, а мне надо было зарабатывать внизу, в Бад-Рагаце, и я взяла её с собой, а столовалась она у старой Урсулы в Пфэфферсердорфе. Я и на зиму осталась в Бад-Рагаце, работы там хватает, ведь я и шью, и латаю, а весной снова приехали господа из Франкфурта, которых я обслуживала прошлый год и которые хотят забрать меня с собой. Послезавтра мы уезжаем, и я должна тебе сказать, от такого места не отказываются.

– И ты хочешь отдать ребёнка старику? Я просто диву даюсь, Дета, чего ты удумала, – укорила её Барбель.

– А ты как хотела? – ответила Дета. – Я со своей стороны сделала для ребёнка всё, что могла, а куда же мне теперь с ним деваться? Не могу же я взять её с собой во Франкфурт,

ей всего пять лет. А ты-то, Барбель, куда направляешься? Мы уже полдороги до альма прошли.

– Я как раз и дошла, куда мне надо, – ответила Барбель. – У меня к козопаске дело, она мне шерсть зимой прядёт. Прощай, Дета, удачи тебе!

Дета протянула попутчице руку на прощание и стояла, глядя ей вслед, пока та не дошла до тёмной хижины, что укромно притаилась в углублении горы в нескольких шагах от тропы, хорошо укрытая от горных ветров. Хижина стояла на полдороге к альму, если считать от Деревушки, и вид у неё был такой обветшалый и убогий, что притулиться к горе было для неё спасением, иначе в ветреную пору находиться внутри было бы вдвойне опасно: в ней всё содрогалось и громыхало, двери и окна, а истлевшие балки скрипели и кряхтели. Если бы эта хижина стояла на альме, её бы в такие дни попросту сдуло в долину.

Тут жил Петер-козопас, одиннадцатилетний мальчишка, который каждое утро забирал коз вниз, в Деревушке, и гнал их наверх, на высокогорные пастбища, где они могли до вечера пастись на сочном разнотравье; затем Петер со своими легконогими животными снова сбегал вниз, издавал в Деревушке пронзительный свист, засунув пальцы в рот, и владельцы приходили на площадь разбирать своих коз. Приходили в основном мальчишки и девчонки, ведь миролюбивых коз никто не боялся, и всё лето напролёт это были единственные минуты, когда Петер мог побыть со своими ровесника-

ми: всё остальное время дня он проводил с козами. Правда, дома у него были мать и слепая бабка, но, поскольку по утрам он вставал очень рано, а возвращался из Деревушки очень поздно, стараясь подольше побыть в компании сверстников, то дома он проводил ровно столько времени, чтобы утром проглотить свой хлеб с молоком, вечером съесть такой же ужин и немедленно заснуть. Его отец, которого тоже звали Петер-козопас, потому что он в свои ранние годы состоял в той же самой профессии, несколько лет назад погиб по несчастью, когда рубил деревья. Его мать, которую хотя и звали Бригиттой, все по привычке называли козопаской, а слепую бабку всяк в округе – и стар и млад – знал только под именем Бабушка.

Дети подождала минут десять, озираясь по сторонам, не покажутся ли где дети с козами, но их нигде не было видно, и она поднялась по тропе немного выше, откуда лучше просматривались все высокогорные луга сверху донизу; отсюда она поглядывала то туда, то сюда с большим нетерпением на лице и в движениях. Между тем дети приближались, сделав большой крюк, потому что Петер знал многие места, где его козам было чего пощипать с кустов и веток; вот он и гнал своё стадо окольными путями. Поначалу дитя с трудом карабкалось за ним по склону, напрягая все силы и пытая от жары и неудобства в своих тяжёлых доспехах. Девочка не говорила ни слова, но внимательно смотрела то на Петера, который без малейших усилий прыгал с места на ме-

сто своими босыми ногами в лёгких штанах, то на коз, которые ещё легче перебирали тонкими, стройными ножками, перескакивая через кусты и камни и взбираясь на крутизну. Тут она уселась на землю, торопливо стянула с себя башмаки и чулки, снова встала, выпуталась из красного платка, растянула курточку, быстро стряхнула её с себя и принялась расстёгивать следующую одежду, ведь тётя Дета, простоты ради, надела на неё воскресную одежду поверх повседневной, чтобы не пришлось нести её в руках. Молниеносно была сброшена и повседневная кофтёнка, и вот уж дитя осталось в нижней юбочке, с наслаждением потягиваясь голыми руками из коротких рукавов рубашки и подставляя их ветру. Потом она уложила все вещи в аккуратную кучку и вприпрыжку пустилась догонять Петера и его коз, чувствуя себя легче всей остальной компании. Петер не обращал внимания на то, что делает отставшая девочка. Но теперь, когда она, раздевшись, догнала его, он весело ухмыльнулся во всё лицо и оглянулся назад, а когда увидел внизу кучку её одежды, то расплылся в улыбке ещё шире, растянув рот от уха до уха, но ничего не сказал. Почувствовав свободу и лёгкость, девочка теперь заговорила с Петером, и он тоже разговорился, отвечая на множество вопросов, ведь ребёнку хотелось знать, сколько здесь коз, куда он с ними идёт и что делает там, куда их пригонит.



Так дети наконец добрались вместе с козами наверх, до

хижины, и предстали перед тётей Детой. Но та, едва завидев всю компанию, возмущённо закричала:

– Хайди, что ты наделала? Что у тебя за вид? Где твоя курточка, где вторая и где платок? А башмаки я тебе купила совсем новые сюда, на гору, и связала тебе новые чулки – где это всё? Ничего нет! Хайди, что такое, куда ты всё подевала?

Девочка спокойно показала под гору:

– Там!

Тётя проследила за её пальцем. И верно, там что-то лежало, а поверх виднелось красное пятно – должно быть, платок.

– Ах ты, горе моё! – в волнении воскликнула тётя. – Что это взбрело тебе в голову, зачем ты всё сняла? Что такое?

– Мне это не нужно, – заявила девочка, не выказывая никакого раскаяния в своём поступке.

– Ах ты, несчастная, неразумная Хайди, ты что, совсем ничего не понимаешь? – продолжала сокрушаться тётя. – Кто ж теперь пойдёт за твоими вещами, это же ещё полчаса! Петер, сбегай-ка быстро, принеси мне вещи. Что ты стоишь и тарацишься на меня, будто прирос к земле!

– Я уже и так припозднился, – неторопливо сказал Петер, не двигаясь с места, откуда он, засунув руки в карманы, наблюдал взрыв тётиного негодования.

– Ты же всё равно только стоишь, выпучив глаза, и ничего не делаешь! – прикрикнула на него тётя Дета. – Иди сюда, я тебе что-то дам, вот, смотри! – Она показала ему новый пяточок, который так и сверкнул ему прямо в глаза.

Петер тут же сорвался с места и понёсся вниз по альму, напрямиком, не разбирая дороги, и мигом очутился у кучки одежды, подхватил её и примчался к тёте так быстро, что той оставалось только похвалить его и отдать монетку в пять раппенов. Петер сунул её в карман поглубже, просияв во всю ширину лица, поскольку такое богатство перепало ему нечасто.

– Ты можешь донести эти вещи до Дяди, всё равно ведь туда направляешься, – сказала Дета, уже поднимаясь по склону, который вздымался сразу за хижиной Петера-козопаса.

Тот послушно взял это задание на себя и последовал по пятам за идущими впереди, обхватив узел левой рукой и помахивая прутиком в правой. Хайди и козы радостно скакали рядом с ним. Так через три четверти часа вся эта процессия добралась до того уровня альма, где на выступе горы стояла хижина Дяди, открытая всем ветрам, но в то же время доступная и всякому взгляду солнца и располагающая полным обзором местности до самой долины. Позади хижины стояли три ели с густыми, разлапистыми ветками. За ними местность снова шла на подъём до самых скал – старых и серых, – поначалу через живописные, густотравные холмы, затем через каменистые кустарники и, наконец, к голым, обрывистым скалам.

К стене хижины, обращённой в сторону долины, Дядя приколотил скамью. Тут он и сидел с трубкой во рту, упёршись ладонями в колени, и спокойно наблюдал, как дети,

козы и тётя Дета карабкались к нему, поскольку последняя всё больше отставала от остальных. Хайди очутилась наверху первой; она зашагала напрямик к старику, протянула ему руку и сказала:

– Добрый вечер, дедушка!

– Ничего себе вечер! – грубовато заметил старик, коротко пожал ребёнку руку и оглядел его долгим, пронизательным взглядом из-под кустистых бровей.

Хайди терпеливо выдержала этот взгляд, ни разу не моргнув, ибо разглядывать деда с длинной бородой и густыми, седыми бровями, сросшимися на переносице и походившими на кусты, было так занятно, что девочка глаз не могла отвести. Тут подросла и тётя вместе с Петером, который некоторое время стоял тихо и смотрел, что будет.

– Желаю вам доброго дня, Дядя, – сказала Дета, подходя ближе, – вот я вам привела дочку Тобиаса и Адельхайд. Вы, может, её не узнаете, ведь с тех пор, как она была годовалая, вы её больше не видели.

– Так, и что ребёнку делать у меня? – коротко спросил старик. – А ты там, – крикнул он Петеру, – можешь идти со своими козами, что-то ты не слишком рано; забери и моих!

Петер сразу подчинился и исчез: Дядя глянул на него так, что тому хватило.

– Ей придётся остаться у вас, Дядя, – ответила Дета на его вопрос. – Думаю, всё, что я могла, я сделала для неё за эти четыре года, теперь и вам пришла пора что-то сделать для

неё.

– Так, – сказал старик, сверкнув на Дету глазами. – А если ребёнок начнёт плакать да хныкать тебе вслед, как обычно делают несмышлёные, как тогда прикажешь мне поступить?

– Это уж ваше дело, – огрызнулась Дета, – мне тоже никто не говорил, как поступить с малюткой, когда мне её сунули в руки, годовалую-то, а у меня и своих забот хватало – и о себе, и о матери. Теперь я должна ехать на заработки, а вы – ближайший родственник ребёнку. Если не захотите взять её к себе, то поступайте с ней как хотите: случись с ней что – отвечать придётся вам, если вам нужен лишний груз на душу.

Совесьть Деты была беспокойна, поэтому она так разгорячилась и наговорила лишнего – сверх того, что собиралась сказать. При её последних словах Дядя встал. Он так на неё глянул, что она отступила на несколько шагов, тогда он простёр руку и сказал приказным тоном:

– Ступай туда, откуда пришла, и чем дольше я тебя не увижу, тем лучше будет для тебя!

Дета не заставила его повторять это.

– Ну, тогда прощайте, и ты тоже, Хайди, – торопливо сказала она и поспешила вниз по склону, ни разу не остановившись до самой Деревушки, поскольку внутреннее волнение подгоняло её вперёд, словно сила паровой машины.

В Деревушке её окликали даже чаще, чем утром, поскольку люди удивлялись, куда девался ребёнок. Все они хорошо

знали Дету, и всем было известно, чей это ребёнок и что с ним связано. И теперь, когда из всех окон и дверей только и слышалось: «Где ребёнок? Дета, где ты оставила ребёнка?», она отвечала всё раздражённее:

– Наверху, у Дяди Альма! Ну, у Дяди Альма, вы же слышите!

Она была слишком раздосадована тем, что женщины со всех сторон кричали ей: «Как ты могла это сделать!», и «Бедная крошка!», и «Оставить беззащитную малышку наверху!», и потом снова и снова: «Бедняжечка!»

Дета торопилась скорее скрыться с глаз и была рада, когда всё осталось позади, настолько ей было не по себе: ведь её мать, умирая, поручила ребёнка ей. Но для успокоения совести она говорила себе, что потом сможет сделать для ребёнка больше, если сейчас заработает денег, и была несказанно рада, что скоро окажется вдали от всех этих людей, которые непрошено лезут в её дела, зато приблизится к хорошим заработкам.

У дедушки

После того как Дета скрылась из виду, Дядя снова уселся на скамью и теперь пыхал своей трубкой, выдувая из неё клубы дыма, – при этом он сидел, уставившись в землю, и не говорил ни слова. Хайди тем временем с интересом осматривалась. Она обнаружила хлев для коз, пристроенный к хижине, и заглянула внутрь. Там было пусто. Ребёнок продолжал обследования и добрался до старых елей за домом. Тут по ветвям прошёлся порыв ветра – такой сильный, что верхушки закачались, зашумели и загудели. Хайди остановилась и слушала. Когда немного стихло, она повернула за следующий угол дома и снова очутилась перед дедушкой. Застав его в той же позе, в какой покинула, Хайди остановилась перед ним, сцепила руки за спиной и принялась разглядывать старика. Тот поднял голову.

– Ну, что будем делать? – спросил он, потому что девочка по-прежнему не двигалась.

– Я хочу посмотреть, что у тебя в доме, – сказала Хайди.

– Пошли! – Дедушка встал и направился к двери первым. – Прихвати свою одежду, – велел он ей, прежде чем войти в хижину.

– Она мне больше не нужна, – заявила Хайди.

Старик повернулся и пристально глянул на ребёнка, чёрные глаза которого горели в нетерпеливом ожидании, что же

там внутри.

– В здравомыслии ей не откажешь, – пробормотал он вполголоса и добавил: – А почему она тебе больше не нужна?

– Я бы лучше бегала, как козы, у них такие лёгкие ножки.

– Бегай на здоровье, но вещи всё же принеси, – велел дед, – уберём их в шкаф.

Хайди послушалась. Старик открыл дверь, и Хайди вошла за ним в просторное помещение, которое занимало всю хижину целиком. Тут стоял стол, а при нём стул; в одном углу находилась лежанка дедушки, в другом висел над очагом большой котёл; в противоположной стене была большая дверь, и дед её открыл. Оказалось, это шкаф. В нём висела его одежда, на одной полке лежали несколько рубашек, носки и шарфы; на другой стояли тарелки, чашки и стаканы, а на самой верхней лежали сыры, круглый каравай хлеба и копчёное мясо, потому что в этом шкафу хранилось всё, что было у Дяди Альма и что требовалось ему для жизни. Как только он распахнул шкаф, Хайди быстро подбежала и затолкала свои вещи внутрь, поглубже за дедову одежду, чтобы не так просто было их потом найти. После этого она внимательно огляделась в помещении и сказала:

– А где я буду спать, дед?

– Где понравится, – ответил тот.

Хайди только того и надо было. Она обежала все углы и осмотрела все местечки, где можно было бы устроиться на ночлег. В углу за дедовой лежанкой была приставлена лест-

ница. Хайди взобралась по ней и попала на сеновал. Там лежал ворох свежего, душистого сена, а через круглое слуховое окно можно было выглянуть наружу; отсюда открывался вид на долину.

– Вот здесь я буду спать! – крикнула Хайди сверху. – Как тут хорошо! Иди сюда, посмотри, как здесь хорошо, дед!

– Да знаю, – ответил снизу дедушка.

– Сейчас я устрою себе постель! – снова крикнула Хайди, деловито снуя по сеновалу. – Но тебе придётся подняться сюда и принести мне простыню, ведь для постели нужна простыня, на неё и ложатся.

– Да-да, – отозвался снизу дедушка, озадаченно постоял и направился к шкафу. Порывшись там, извлёк из-под рубашек кусок холста, который вполне мог послужить простыней.

Он поднялся по лестнице. На сеновале уже было сооружено вполне приличное ложе: в изголовье сено настлано повыше, и само изголовье располагалось как раз напротив слухового окна.

– Всё правильно сделала, – одобрил дедушка, – сейчас постелем простыню. Но погоди... – Он подхватил из вороха изрядную охапку сена и растряс его по лежанке, удвоив её толщину, чтобы под ней не ощущался жёсткий настил сеновала. – Вот теперь давай застилай.

Хайди быстро приняла у него из рук полотно и еле его удержала – таким тяжёлым был домотканый холст, но это

оказалось только к лучшему: сено не будет колотиться сквозь плотный покров. Сообща они застелили ложе, а где холстина была шире и длиннее, там Хайди её ловко подоткнула. Теперь ложе имело ладный и аккуратный вид, и Хайди встала перед ним, задумчиво его оглядывая.

– Мы кое-что забыли, дед, – сказала она.

– Что же? – спросил он.

– Одеяло. Ведь, ложась в постель, забираются внутрь между простынёй и одеялом.

– Да? Ты так считаешь? А если у меня нет? – сказал старик.

– О, это ничего, дед, – успокоила его Хайди. – Тогда нагребём сена и на одеяло. – И тут же бросилась к копне.

– Погоди-ка минутку, – сказал старик, спустился по лестнице и подошёл к своей лежанке. Вернулся он с большим, тяжёлым рядном¹ и положил его на пол. – Поди-ка, это будет лучше сена, а?

Хайди принялась тянуть сложенное рядно туда и сюда, напрягая все силы, чтобы развернуть его, но оно не поддавалось её слабым ручкам. Дедушка помог, и теперь, когда дерюжка покрывала постель, всё приобрело завершённый вид. Хайди стояла перед своим новым ложем и не могла налюбоваться:

– Прекрасное одеяло, и прекрасная постель! Скорей бы ночь, чтобы лечь спать.

¹ Рядно – грубое домотканое полотно, скорее половики, чем ткань.

– Я считаю, не мешало бы сперва поесть, – сказал дедушка, – как ты думаешь?

Хайди в пылу устройства своей спальни забыла обо всём на свете, но теперь, при упоминании о еде, почувствовала сильный голод, ведь она сегодня целый день ничего не ела после своего утреннего ломтя хлеба и нескольких глотков слабого кофе, а путь проделала немалый. И Хайди подтвердила с полным согласием:

– Да, я тоже так считаю.

– Ну так спускайся вниз, раз уж мы сошлись во мнении, – сказал старик и последовал за ребёнком.

Внизу он подошёл к очагу, придвинул к себе маленький котёл, висевший на цепи, сел на деревянную треногу и раздул огонь. В котле зашумело, а под ним старик держал над огнём на длинной железной вилке большой кусок сыра, поворачивая его разными сторонами, пока он не подрумянился до золотистого цвета. Хайди смотрела с напряжённым вниманием; должно быть, ей что-то пришло в голову: она вскочила, подбежала к шкафу и засновала туда-сюда. Тут и дедушка подошёл к столу с котелком и обжаренным сыром на вилке; а на столе уже лежал каравай хлеба, стояли две тарелки с двумя ножами, всё было расставлено как следует, поскольку Хайди ещё перед этим заметила, что где находится в шкафу, и знала, что им понадобится для еды.

– Так-так, это хорошо, что ты думаешь своей головой, – похвалил дедушка и положил обжаренный сыр на хлеб, слов-

но на блюдо, – но на столе ещё кое-чего не хватает.

Хайди увидела, как приглашающе дымится котелок, и снова быстро побежала к шкафу. Но там стояла всего одна чашка. Хайди недолго раздумывала, обнаружив в глубине шкафа два стакана. Она мгновенно вернулась к столу и поставила на него чашку и стакан.

– Правильно, не растерялась. Но куда бы тебе сесть? – На единственном стуле сидел сам дедушка.

Хайди стремглав бросилась к очагу, принесла маленькую треногу и уселась на неё.

– Какое-никакое сиденье у тебя есть, это верно, только очень уж низенькое, – сказал дедушка. – Но и с моего стула тебе будет далеко до стола. Сейчас что-нибудь придумаем, погоди! – С этими словами он встал, наполнил чашку молоком, поставил её на стул и придвинул к треноге, так что перед Хайди оказался отдельный столик. Дедушка положил на него большой ломоть хлеба, а на хлеб – кусок золотистого сыра и сказал: – Теперь ешь!



Сам он примостился на углу стола и принялся за свой обед. Хайди схватила свою чашку и пила, пила без передышки, потому что в ней с новой силой проснулась жажда, накопившаяся за время долгого путешествия. Наконец она перевела дух и отставила чашку.

– Понравилось тебе молоко? – спросил дедушка.

– Я ещё отродясь не пила такого вкусного молока, – ответила Хайди.

– Тогда надо добавить. – И дедушка ещё раз наполнил чашку до краёв и поставил перед Хайди, а та с наслаждением впилась зубами в хлеб, размазав по нему сыр, который после поджаривания стал мягкий как масло; время от времени она

запивала хлеб молоком. Всё вместе было вкусно, и выглядела Хайди очень довольной.

Когда с едой было покончено, дедушка отправился в козий хлев и стал наводить там порядок, а Хайди внимательно смотрела, как он сначала подмёл метлой пол, потом постелил свежей соломы, чтобы животные могли на ней спать; как потом пошёл в сарайчик, примыкавший к дому, и отпил четыре палки одинаковой длины, потом обтесал дощечку, просверлил в ней отверстия и вогнал в них палки. Разом получился табурет, такой же, как у дедушки, только гораздо выше, и Хайди любовалась на этот предмет, онемев от удивления.

– Что это, Хайди? – спросил дедушка.

– Это мой стул, потому что он такой высокий. Раз – и готово! – сказал ребёнок, всё ещё в глубоком удивлении и восхищении.

«Соображает. Глаза на месте», – отметил дедушка про себя, обходя вокруг дома и осматривая его: там вбил гвоздь, там – другой, что-то укрепил на двери. И так переходил с места на место с молотком, гвоздями и деревяшками, что-то улучшая или устраняя – смотря по надобности. Хайди ходила за дедом хвостиком, с большим вниманием наблюдая за ним, и всё, что здесь происходило, ей было очень интересно.

Так подступил вечер. Шум в старых елях усилился, налетел порыв ветра, и в густых макушках засвистело и загудело. Эти звуки пришлись Хайди по сердцу настолько, что она

развеселилась и принялась прыгать и скакать под елями. Дедушка стоял в дверях сарая и смотрел на ребёнка.

Тут раздался пронзительный свист. Хайди перестала прыгать, а дедушка вышел из сарая. Сверху под гору скакали козочки, словно за ними гнались. Погонял стадо Петер. С криком радости Хайди бросилась в гущу стада, приветствуя своих утренних подруг. Добежав до хижины, стадо остановилось, и от него отделились две красивые, стройные козы, одна белая, другая коричневая; они направились напрямик к дедушке и стали лизать его ладони, потому что он насыпал в них немного соли, как делал каждый вечер, встречая своих любимиц. Остальное воинство Петера ссыпалось дальше под гору. Хайди нежно гладила то одну, то другую козочку и прыгала вокруг них, чтобы погладить их и с другого бока.

– Они наши, дед? Они обе наши? Они пойдут в хлев? Они останутся у нас насовсем? – Хайди засыпала деда вопросами, и тот едва успевал вставлять между её счастливыми восклицаниями неизменное «да-да».

Когда козы слизали своё лакомство, старик сказал:

– Поди принеси свою чашку и хлеб.

Хайди убежала в дом и мигом вернулась. Дед подошёл к белой козочке, надоил полную чашку молока, отрезал от каравая ломоть хлеба и сказал:

– Вот, поешь, а потом иди к себе наверх и ложись спать! Тётя Дета оставила для тебя узелок, там должна быть рубашка или что-то вроде того, он лежит внизу в шкафу, найдёшь

сама, если тебе понадобится. А я должен ещё проводить козочек в хлев, так что спокойной ночи!

– Спокойной ночи, дед! Спокойной ночи... а как их зовут, дед, как их зовут? – крикнула девочка вдогонку старику, уводящему коз на ночлег.

– Белую зовут Лебедушка, а коричневую Медведушка, – отозвался дедушка.

– Доброй ночи, Лебедушка, доброй ночи, Медведушка! – крикнула Хайди погромче, потому что обе уже скрылись в хлеву.

Хайди уселась на скамью и принялась за свой хлеб, запивая его молоком, но сильным ветром её так и сдувало со скамьи, поэтому она быстро управилась и вошла в дом. Хайди взобралась на сеновал к своей постели, в которой тут же и уснула так крепко и сладко, как можно спать только на царском ложе. Некоторое время спустя – ещё не совсем стемнело – улёгся на свою лежанку и дед, потому что по утрам он всегда выходил с восходом солнца, а оно вставало над горами в эту летнюю пору очень рано.

Ночью поднялся такой сильный ветер, что от его порывов содрогалась хижина и скрипели стропила; в трубе гудело и стонало, словно кто-то рыдал, а старые ели за домом терзало с такой яростью, что некоторые ветки обламывались.

Среди ночи дед встал, бормоча:

– Как бы она там не испугалась!

Он поднялся на сеновал и подошёл к ложу Хайди. Луна,

то скрываясь за тучками, то появляясь вновь, сейчас как раз заглянула в круглое слуховое окно и осветила Хайди. Девочке было жарко под тяжёлым рядном, и щёки у неё горели, но спала она спокойно и крепко, подложив под голову локоть, и, казалось, во сне видела что-то радостное, потому что всё её личико светилось довольством. Дед долго смотрел на мирно спящее дитя, пока луна снова не скрылась за тучами, тогда он вернулся на свою лежанку.

На выпасах

Ранним утром Хайди проснулась от громкого свиста. Она открыла глаза и обомлела: сквозь слуховое окно вливался золотой свет, и всё вокруг сияло – и её ложе, и душистый сеновал. Хайди удивлённо озиралась и не могла понять, где она. Но тут до неё донёлся низкий голос деда, и она разом всё вспомнила: и откуда приехала, и что теперь она у бабушки на горных пастбищах, а не у старой Урсулы. Урсула уже почти ничего не слышала и постоянно мёрзла, отчего всегда сидела либо у кухонного окна, либо в комнате у печки, поэтому и Хайди приходилось коротать время там же или где-то неподалёку, чтобы старуха могла видеть ребёнка, ведь слышать она уже не могла. Хайди всегда было тесно в доме, ей так хотелось побегать на воле. Поэтому она обрадовалась, проснувшись в своём новом жилище и припомнив, как много нового вчера здесь увидела. И ведь всё это она может увидеть и сегодня, в первую очередь Лебедушку и Медведушку. Хайди вскочила со своей постели и быстро надела всё то, что сняла с себя вчера, а было на ней совсем немного. Она спустилась по лестнице и выбежала из хижины. Там уже стоял со своим стадом Петер-козопас, а дед как раз выгонял из хлева Лебедушку и Медведушку. Хайди побежала ему навстречу, чтобы поздороваться с ним и с козами.

– А ты не хочешь пойти с ними на выпаса́? – спросил де-

душка.

Это было Хайди как нельзя кстати, она так и подпрыгнула от радости.

– Но сперва умыться и привести себя в порядок, не то солнце тебя засмеёт, когда увидит такую чумазую, оно-то сверху так и сияет чистотой. Смотри, вон там для тебя всё приготовлено. – Дедушка указал на ушат с водой, выставленный на солнце перед дверью.

Хайди прыгнула к нему и плескалась, растирая лицо до скрипа. Дед тем временем направился в дом, крикнув Петеру:

– Иди-ка сюда, полководец, да прихвати свой вещмешок!

Петер с удивлением пошёл на зов и протянул дедушке котомку, в которой носил свой скудный паёк.

– Раскрой, – велел старик и сунул в котомку большой ломоть хлеба и такой же кусок сыра.

У Петера от удивления глаза на лоб полезли, ведь эти два куска вдвое больше тех, что были у него с собой на обед.

– Так, теперь положим сюда чашку, – продолжал Дядя, – ведь ребёнок не может пить, как ты, прямо от козы, он не привык. Надоишь ей две чашки на обед, ведь она останется с тобой до вечера, да гляди, чтоб она не упала со скалы, слышишь?

Тут в дом вбежала Хайди:

– Теперь солнце не будет надо мной смеяться, дед?

От страха перед солнцем она так натёрла себе лицо, шею

и руки грубым холщовым полотенцем, которое дедушка повесил рядом с ушатом, что теперь стояла перед ним красная как рак.

– Нет, теперь ему не над чем смеяться, – подтвердил он, ухмыляясь. – Но знаешь что? Вечером, когда вернёшься домой, вся залезешь в ушат, как рыбка: ведь у того, кто бегает босиком, как козы, ноги становятся грязные. Ну а теперь можете отправляться.

Они весело взбирались по склону. Ветер за ночь разогнал последние тучи: синее небо глядело вниз со всех сторон, а в самой его середине сияло солнце, посверкивая на альпийской зелени, и все жёлтые и голубые цветы на лугах раскрыли свои чаши и радостно смотрели ему навстречу. Хайди прыгала туда-сюда и ликовала, ведь тут были целые колонии красных примул, а там лучились синевой горечавки, и повсюду смеялись и кивали солнцу золотые ладанники с нежными лепестками. От восхищения всеми этими кивающими цветочками Хайди забыла даже про коз и про Петера. Она упархивала то вперёд, то в сторону, где то и дело сверкало то красным, то жёлтым, так и маня к себе Хайди. И всюду она срывала цветы и совала их в карман своего передника, чтобы принести домой и воткнуть их в сено её спальни: пусть продолжают там цвести не хуже, чем здесь.

А Петеру сегодня приходилось неотступно смотреть за ней, и его круглые как шары глаза уже едва ворочались: им досталось больше работы, чем Петер мог осилить, ведь козы

делали то же самое, что Хайди: они тоже бегали туда-сюда, и ему приходилось то свистеть, скликая их, то замахиваться хворостиной, чтобы снова согнать разбежавшихся в кучку.

– Ну где ты там опять, Хайди? – кричал он с большой досадой.

– Я здесь, – доносилось откуда-нибудь издалека.

Петер не мог её видеть, ведь Хайди сидела в траве за холмиком, усеянным душистыми черноголовками. Воздух был полон таких ароматов, какие Хайди ещё не приходилось вдыхать. Она садилась в гущу цветов и дышала полной грудью.

– Не отставай от меня! – кричал Петер. – Тебе нельзя падать со скал, Дядя не велел.

– А где тут скалы? – спрашивала Хайди, но с места не двигалась, потому что благоухания оведали её всё ласковее с каждым дуновением ветра.

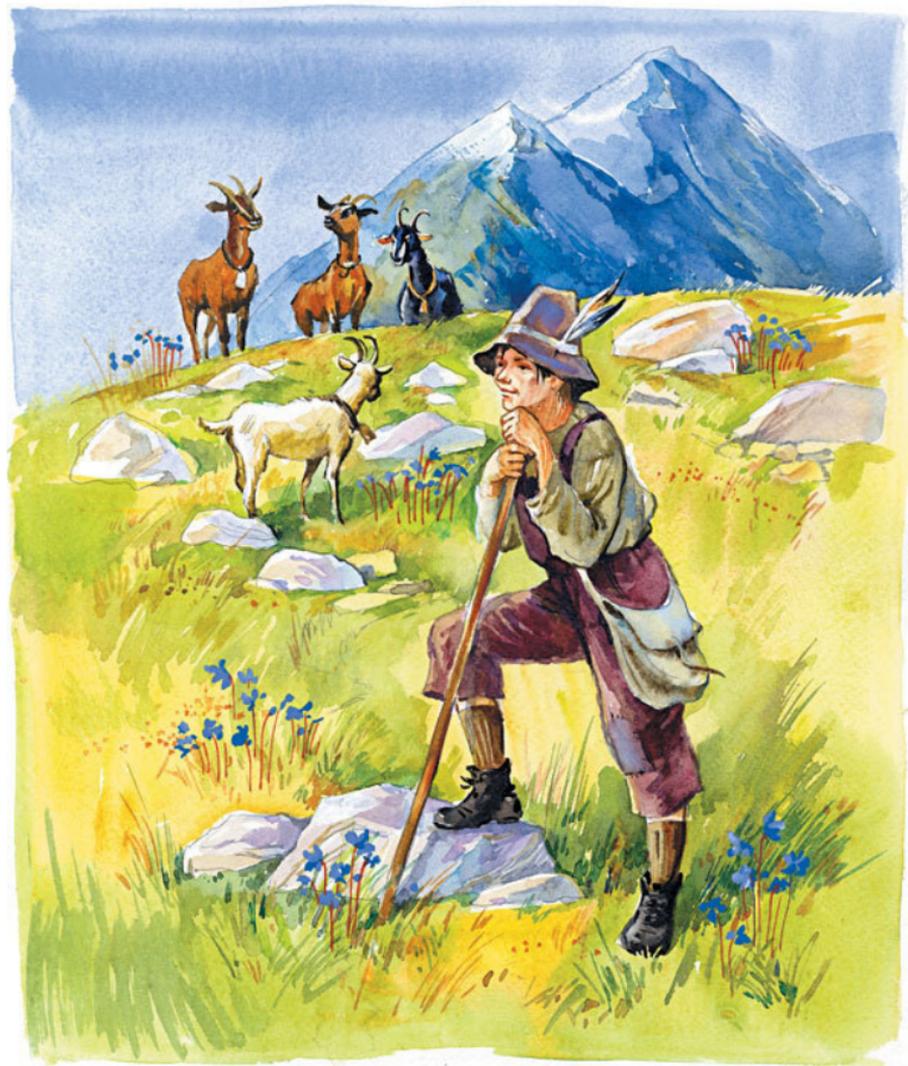
– Они наверху, далеко наверху, мы туда ещё не дошли, поэтому быстро ко мне! И там, на самом верху, сидит и каркает старый беркут.

Это подействовало. Хайди мгновенно вскочила на ноги и побежала к Петеру, поддерживая подол передника, полный цветов.

– Тебе уже хватит, – сказал он, когда они вместе карабкались вверх, – иначе ты тут застрянешь. А если сорвёшь все цветы, на завтра ничего не останется.

Последний довод вразумил Хайди. И то сказать: в переднике больше не помещалось, а ведь завтра им опять идти сю-

да. Теперь она шла рядом с Петером, и козы тоже не отставали: ветер доносил до них ароматы высоких пастбищ, и они безудержно стремились туда. Луг, на котором Петер обычно останавливался со своими козами и устраивал себе привал на весь день, располагался у подножия высокой скалы, на которой внизу ещё росли кусты и ели, но чем выше она вздымалась к небу, тем больше оголялась и тем круче обрывались её отвесные стены. На одной стороне скалистые ущелья уходили глубоко вниз, и дедушка был прав, предостерегая Петера.



Добравшись до места, Петер снял с плеча котомку и положил её в небольшую ямку. Ветер иногда налетал с большой

силой, и Петер знал эти порывы и не хотел бы видеть, как его обед катится вниз с горы; затем он растянулся на солнечной поляне, чтобы отдохнуть от тяжёлого восхождения.

Хайди между тем сняла свой передник, скатала его вместе с цветами и уложила в ту же ямку, где хранилась котомка с провиантом. Потом села рядом с Петером, раскинувшись на траве, и осмотрелась по сторонам.

Далеко внизу простиралась долина во всём блеске утра; перед собой Хайди видела обширный ледник, уходящий вверх, к синему небу, а слева от него громоздился горный массив, по бокам которого возвышались две голые скалистые башни. Эти башни сурово взирали на Хайди сверху. Ребёнок притих, как мышка. Кругом, куда ни глянь, царила глубокая тишь, только ветерок нежно перебежал от цветка к цветку, пролетал над голубыми колокольчиками и золотыми, лучистыми ладанниками, которые покачивались там и сям на своих тоненьких стеблях, радостно кланяясь на все стороны. Петер заснул, и козы, оставшись без присмотра, разбрелись, карабкаясь вверх, к кустам. На душе у Хайди было так хорошо, как ещё никогда прежде. Она упивалась золотым светом солнца, свежим воздухом, нежным ароматом цветов и ничего не желала так сильно, как остаться здесь навсегда. Проходило время, и Хайди так часто присматривалась к окрестным горам, что ей уже казалось: у каждой вершины есть своё лицо, и они благодушно поглядывают на неё сверху как на свою знакомую.

Тут она услышала над собой громкий, пронзительный крик и, запрокинувшись, увидела, как над ней кружит такая большая птица, какой она в жизни не видела; птица делала большие круги, громко и хрипло крича над головой Хайди.

– Петер! Петер! Проснись! – завопила Хайди. – Смотри, беркут прилетел, смотри! Смотри!

Петер поднялся на её зов и тоже стал следить за хищной птицей, которая взвивалась в небесную синеву всё выше и выше.

– Куда он полетел? – спросила Хайди, с напряжённым вниманием следя за хищником, пока тот не скрылся за серыми скалами.

– Домой, к себе в гнездо, – ответил Петер.

– Дом у него наверху? О, как там, должно быть, хорошо наверху! А почему он так кричит? – продолжала расспрашивать Хайди.

– Так надо, – объяснил Петер.

– Давай взберёмся туда и посмотрим, где у него дом, – предложила Хайди.

– Ой! Ой! Ой! – с осуждением раскричался Петер. – Даже козы туда не лезут, а ведь Дядя говорил тебе, чтоб ты не вздумала свалиться со скалы.

Тут Петер поднял такой свист и крик, что Хайди не знала, куда деваться. Но козы, должно быть, хорошо понимали его сигналы, потому что одна за другой стали сбегаться на зов, и вот уж всё стадо собралось на зелёном склоне – одни

продолжали пощипывать сочные стебли, другие бегали туда-сюда, а третьи бодались своими рожками, коротая время. Хайди вскочила и забегала среди них, ведь для неё это было новое, неопишимо весёлое действие – скакать и развлекаться с козами: она подбегала то к одной, то к другой, каждую отличая по повадкам от остальных.

Между тем Петер принёс котомку и выложил из неё на траву хлеб и сыр. Потом он взял чашку, надоил в неё молока от Лебедушки и стал звать Хайди. Но звать её пришлось дольше, чем он скликал коз, потому что ребёнок был настолько увлечён прыжками и увеселениями своих новых подружек, что ничего не видел и не слышал. Однако Петер знал способ, как вразумить непонятливых: он гаркнул так, что от скал в страхе разбежалось эхо, и Хайди прискакала к накрытому столу, который выглядел так маняще, что она обежала его кругом, разглядывая со всех сторон.

– Кончай скакать, пора обедать, – сказал Петер. – Садись и ешь.

Хайди уселась.

– А молоко моё? – спросила она, ещё раз с удовлетворением оглядывая кушанья.

– Да, – подтвердил Петер, – и вот эти два больших куса тоже твои, а когда выпьешь молоко, тебе положена ещё одна чашка от Лебедушки, а потом уже я буду пить.

– А ты от кого пьёшь молоко? – Хайди не терпелось всё узнать.

– От моей козы Улитки. Давай уже ешь, – снова напомнил Петер.

Хайди начала с молока, и, как только она отставила пустую чашку, Петер надоил для неё вторую. Хайди отломил хлеб от своей краюхи, а оставшийся кусок, который всё ещё был больше того, что припас себе на обед Петер и что уже почти закончился, протянула пастушку вместе со своим нетронутым сыром:

– На, мне этого хватит.

Петер смотрел на Хайди с немым удивлением, потому что сам бы никогда в жизни не смог так поступить. Он немного помедлил, всё ещё не в силах поверить, что Хайди не шутит; но та по-прежнему протягивала ему эти два ломтя, а поскольку Петер не брал, она положила их ему на колени. Тут он понял, что она и вправду делится с ним своей едой; он схватил хлеб и сыр, кивнул в знак благодарности и принялся за такой богатый обед, какого ему ещё не выпадало за всю его пастушескую жизнь. А Хайди уже снова смотрела на коз.

– Как их всех зовут, Петер? – спросила она.

Это Петер знал точно и помнил тем более крепко, что запоминать ему приходилось не так уж и много. Он начал перечислять и назвал всех без запинки, на каждую показывая пальцем. Хайди внимательно следила за его указаниями, и ей не понадобилось много времени, чтобы научиться отличать животных друг от друга, потому что каждое имело свои особенности, которые сразу запоминались; для этого достаточно

было к ним присмотреться, а Хайди присматривалась. Вот крупный Турок с крепкими рогами, которыми он так и норovil пободаться с другими, а те разбегались от него прочь, как только он приближался, и знать не хотели грубияна-забияку. Один только дерзкий Щегол, стройный, проворный козлик, не сторонился его, а напал первым так бойко, что большой Турок озадаченно стоял, растерявшись перед воинственным Щеглом с его острыми рожками. А вот маленькая, беленькая Снежинка – она блеет всегда так настойчиво и с такой мольбой, что Хайди уже не раз подбегала к ней, чтобы утешить и погладить по голове. Вот и сейчас её жалобный молодой голосок опять призывал на помощь. Хайди побежала к ней, обняла козочку за шею и участливо спросила:

– Что с тобой, Снежинка? Почему ты всё время зовёшь на помощь?

Козочка доверчиво прильнула к Хайди и затихла. Петер – всё ещё с набитым ртом – крикнул:

– Это она потому, что Старая больше не ходит с ней на альм, её позавчера только продали в Майенфельд, теперь она больше не в стаде.

– А кто это – Старая? – спросила Хайди.

– Да её мать, – ответил тот.

– А где тогда бабушка?

– Нету у неё бабушки.

– Ну, тогда дедушка? – искала выход Хайди. – Ты моя бедняжка, Снежинка, – сказала она и нежно прижала к себе жи-

вотное. – Ну не плачь так жалобно. Ты же видишь, я теперь с тобой и каждый день буду с тобой, тебе уже не будет так одиноко. Как только станет плохо, сразу беги ко мне.

Снежинка довольно потёрлась головой о плечо Хайди и перестала жалобно бляеть. Между тем Петер покончил со своим обедом и снова подошёл к стаду, где Хайди уже накопила множество наблюдений и соображений, которые ей нужно было обсудить.

Намного красивее и чище остальных в стаде были две козы – Лебедушка и Медведушка, которые и вели себя с особым аристократизмом, ходили по большей части наособицу, а назойливого Турка встречали холодным презрением.

Животные опять стали расходиться по склону, взбираться к кустам, и у каждого была своя повадка: одни в стремлении к цели легкомысленно пропускали всё менее интересное, другие неторопливо прибирали по дороге всякий вкусный стебель, Турок то и дело устраивал пробные нападения. Лебедушка и Медведушка грациозно и легко карабкались наверх, тотчас находили там самые лучшие кусты, ловко пристраивались к ним и изящно их обгладывали. Хайди, заложив руки за спину, стояла и взирала на происходящее с большим вниманием.

Сытый Петер вновь разлёгся на траве.

– Петер, – заметила Хайди, – а ведь Лебедушка и Медведушка – самые красивые среди них.

– Ещё бы, – ответил тот. – Дядя Альм и чистит их, и моет,

и даёт им соль, и держит в самом обустроенном хлеву.

Но тут Петер неожиданно вскочил и бросился к козам. Хайди побежала вслед за ним: должно быть, там что-то случилось, не могла же она остаться в стороне. Петер прорвался сквозь стадо на ту сторону луга, где голые скалы отвесно обрывались вниз и какая-нибудь неосмотрительная козочка, забравшись туда, легко могла оступиться и переломать себе ноги. Он заметил, что туда ускакал любопытный Щегол, и подоспел как раз вовремя, когда тот подскочил к самому краю обрыва. Тут Петер споткнулся и упал на камни, но уже в падении дотянулся до ноги животного и вцепился в неё. Щегол заблеял от неожиданности и возмущения, что помешало продолжению его весёлого рейда, и упрямо рванулся вперёд. Петер кликнул Хайди на помощь, потому что сам не мог встать и чуть не вывихнул Щеглу ногу. Хайди была тут как тут и мигом оценила бедственное положение обоих. Она быстро сорвала пучок душистой травы и, поднеся его к носу Щегла, стала мягко его урезонивать:

– Пойдём, пойдём, Щегол, будь умницей! Смотри, ты же можешь сорваться вниз и сломать ногу, тебе же будет ужасно больно.

Козлик быстро обернулся и стал поедать траву из рук Хайди. Тем временем Петер поднялся на ноги и ухватил Щегла за верёвку, на которой висел колокольчик, а Хайди взялась за верёвку с другой стороны, и они повели беглеца назад, к мирно пасущемуся стаду. Теперь, когда козлик был

в безопасности, Петер замахнулся на него своей хворостинной, чтобы как следует наказать виноватого, и Щегол пугливо отпрянул, сообразив, что сейчас будет. Но Хайди громко закричала:

– Нет, Петер, не бей его, видишь, он боится!

– По заслугам, – прорычал Петер и уже хотел стегнуть, но Хайди бросилась наперерез и возмущённо закричала:

– Не бей, нельзя, ему больно, отпусти его!

Петер удивлённо глянул на заступницу, чёрные глаза которой сверкнули на него так, что он невольно опустил свой прут.

– Ладно, пусть идёт, но только если завтра ты снова дашь мне сыру, – уступил Петер, ведь надо же ему было получить возмещение за пережитый страх.

– Заберёшь весь сыр, и завтра, и всегда, мне он совсем не нужен, – согласилась Хайди. – И хлеба тебе дам, как сегодня. Но за это ты никогда не будешь бить Щегла, совсем никогда, и Снежинку никогда, и вообще ни одну козочку.

– Да плевать мне на них, – буркнул Петер, и это было с его стороны чем-то вроде согласия.

Провинившегося козлика он отпустил, и радостный Щегол, высоко подпрыгнув, умчался в стадо.

Так незаметно прошёл день, и вот уж солнце готовилось закатиться за горы. Хайди снова сидела в траве и, притихнув, смотрела на голубые колокольчики и цветы ладанника, они сияли в золотом закатном свете, позолотилась и вся трава,

а скалы наверху вдруг начали мерцать и поблёскивать. Тут Хайди вскочила и завопила:

– Петер! Петер! Горит! Горит! Все горы горят, и снежная шапка вон там горит, и небо. Смотри! Смотри! Скалистая гора вся пылает! Ой, какой красивый огненный снег! Петер, посмотри, огонь добрался до орла! Посмотри на скалы! Посмотри на ели! Всё, всё в огне!

– Так всегда и бывает, – благодушно отозвался Петер, выстрагивая себе новый прут, – только это не огонь.

– А что же это? – воскликнула Хайди. Она металась с места на место, чтобы посмотреть со всех сторон, потому что не могла выбрать, откуда лучше видно. – Что это, Петер, что это? – снова крикнула Хайди.

– Это просто так, само по себе делается, – объяснил Петер.

– Ой, смотри, смотри, – ещё больше разволновалась Хайди, – они вдруг порозовели! Смотри, что творится со снегом и с теми высокими скалами! Как они называются, Петер?

– Горы никак не называются, – ответил тот.

– О, какая красота, розовый снег! А на скалах наверху цветут розы! Ох, они посерели! Ой-ой, всё погасло! Всё кончилось, Петер! – И Хайди опустилась на землю с таким напуганным видом, как будто действительно настал конец света.

– Завтра опять будет всё то же самое, – заявил Петер. – Вставай, нам пора домой.

Он созвал коз – свистом и криком, и начался спуск под гору.

– И что, так будет всегда, всякий день, когда мы на пастбищах? – спросила Хайди, с трепетом ожидая подтверждения.

– В основном, – ответил тот.

– Но завтра-то будет точно? – Хотя бы в этом она должна была удостовериться.

– Да-да, уж завтра точно будет! – заверил Петер.

Хайди повеселела. За этот день она получила столько впечатлений, в голове у неё пронеслось столько новых мыслей, что теперь она притихла, обдумывая их, и молчала, пока они не дошли до хижины и не увидели дедушку. Дед сидел под елями, где тоже пристроил скамью и вечерами поджидал своих коз, возвращавшихся с этой стороны. Хайди бросилась к нему, а вдогонку ей уже скакали Лебедушка и Медведушка, потому что козы знали своего хозяина и свой хлев.

Петер крикнул Хайди вслед:

– Тогда завтра опять с нами! Спокойной ночи! – Петеру было далеко не всё равно, пойдёт с ним завтра Хайди или нет.

Хайди быстро вернулась к нему и протянула руку на прощание, заверяя, что завтра снова пойдёт, и успела ещё раз прыгнуть в гущу удаляющегося стада, чтобы обнять за шею Снежинку и доверительно шепнуть ей:

– Спи спокойно, Снежинка, и не забывай, что завтра я снова приду и тебе больше не придётся жалобно блеять.

Снежинка благодарно посмотрела на Хайди и побежала догонять стадо.

А Хайди побежала под ели.

– Ах, дед, как там было хорошо! – крикнула она ещё издали. – Огонь и розы на скалах, и голубые и жёлтые цветы... И смотри, что я принесла! – С этими словами Хайди вытряхнула перед дедом всё своё цветочное богатство из свёрнутого передника. Но что за вид был у бедных цветочков! Хайди их не узнавала. Они стали похожи на сено, а все цветки как один закрылись. – Дед, что это с ними? – испуганно вскричала Хайди. – Они были не такие, почему завяли?



– Им надо стоять на воле, на солнышке, а не лежать в свёрнутом переднике, – сказал дедушка.

– Тогда я больше не буду их рвать. А ещё, дед, – вдруг

вспомнила она, – отчего так кричал беркут?

– Иди-ка мыться, а я пойду в хлев и надою молока, а потом мы пойдём с тобой в дом и поужинаем, вот тогда я и расскажу тебе всё по порядку.

Так и сделали, и, когда потом Хайди сидела на своём высоком табурете перед чашкой молока, а дедушка рядом с ней, ребёнок снова напомнил:

– Отчего беркут так кричит, дед?

– Это он смеётся оттуда над людьми за то, что они в деревнях живут в тесноте и злобствуют друг на друга. Вот он и каркает издевательски: «Вам бы разойтись, пусть бы каждый пошёл своим путём и поднялся вверх, как я, – вам бы стало гораздо лучше!» – Дедушка произнёс эти слова, подражая крику орла, и Хайди ещё больше впечатлилась.

– Почему у гор нет имён, дед? – перешла Хайди к следующему вопросу.

– Почему же нет, есть, – ответил тот, – и если ты мне сможешь описать каждую так, чтобы я её опознал, то я скажу тебе, как она называется.

Тут Хайди описала ему скалистую гору с двумя высокими башнями так, как она их увидела, и дедушка с удовлетворением сказал:

– Правильно, эту гору я знаю, она называется Фалькнис. А ещё какую ты видела?

Хайди описала ему гору с большой снежной шапкой, на которой весь ледник горел огнём, потом порозовел, а после

вдруг поплёк и стоял словно потухший.

– И эту гору я знаю, – сказал дедушка, – это Чезаплана. И что, понравилось тебе на выпасах?

Хайди рассказала ему обо всём, что было днём, а было всё чудесно, особенно вечернее пламя на вершинах. Она попросила дедушку объяснить ей про огонь, потому что Петер не знал, откуда он берётся.

– Видишь ли, – объяснил дедушка, – это делает солнце, когда прощается на ночь с горами. Оно машет им последними, самыми красивыми лучами, чтобы они не забыли его до следующего утра.

Объяснение Хайди понравилось, и она не могла дождаться, когда же наступит следующий день, чтобы снова можно было пойти на пастбища и опять увидеть, как солнце желает горам доброй ночи. Но вначале нужно было лечь спать, и опять она сладко спала до утра на своём ложе из сена, и ей снились сверкающие горы и красные розы на этих горах, среди которых весело скакала Снежинка.

У бабушки

Наутро опять взошло ясное солнце, а там и Петер подоспел со своими козами, и снова они все вместе двинулись на пастбища. Так и пошло изо дня в день, и Хайди от такой жизни на приволье загорела и окрепла так, что не знала нехватки ни в чём, жила себе счастливо и радостно, как живут беззаботные птички в зелёном лесу. А когда приблизилась осень и ветер начал свистать в горах всё громче, дедушка однажды сказал:

– Сегодня останешься дома, Хайди: такую малышку, как ты, ветер в одночасье понесёт по скалам и сдует в долину.

Но когда об этом услышал Петер, сильно опечалился: без Хайди он не знал, куда деваться от скуки; кроме того, пастушок лишился своего обильного обеда; вдобавок козы в эти дни стали такими строптивыми, что требовали от него двойного внимания: ведь они тоже привыкли к обществу Хайди и не хотели идти без неё на пастбище, разбегаясь во все стороны. Хайди никогда не унывала, потому что всегда находила причину для радости. Больше всего она любила подниматься с козами и пастушком на горные луга к цветам и орлам, где всегда случалось много приключений с козами из-за их разных характеров. Но и около деда Хайди находила немало интересного, ведь он беспрестанно что-нибудь пилил, стучал молотком и плотничал; а когда ей выпадало оста-

ваться дома в те дни, когда дедушка готовил круглые козьи сыры, для неё особым удовольствием было смотреть на эту примечательную работу, при которой дедушка закатывал рукава и орудовал голыми руками в большом котле.

Но притягательнее всего в такие ветреные дни для Хайди было волнение и шум трёх старых елей позади хижины. Время от времени она не выдерживала и убегала посмотреть, что там творится, потому что не было ничего прекраснее этого таинственного гула в макушках деревьев. Хайди стояла внизу, задрав голову, и не могла наглядеться и послушаться, как ветер гудел, с размахом раскачивая ветки. Солнце уже не пекло так, как летом, и Хайди достала свои чулки и башмаки, а ещё кацавейку, потому что становилось всё свежее, и, когда Хайди стояла под елями, её продувало, как тонкий листочек, но она всё равно бежала туда, едва слышав шум ветра, не в силах усидеть дома.

Потом стало холодно, и Петер согрел руки дыханием, поднимаясь по утрам из долины. Но холода продлились недолго. Однажды за ночь выпал снег, и наутро весь альм побелел, не стало видно ни листа, ни зелёной травинки. Петер-козопас больше не появлялся со своим стадом, и Хайди удивлённо выглядывала в оконце, потому что снова пошёл снег, и густые хлопья валились и валились, пока не завалили землю так, что окна уже не открывались и люди оказались взаперти. Это развеселило Хайди, и она бегала от одного окошка к другому, чтобы посмотреть, что будет дальше

и не укроет ли снегом всю хижину так, что придётся зажигать свет среди бела дня. Но до этого дело не дошло, и на следующий день дедушка вышел на улицу – поскольку снег перестал идти – и откопал хижину, откидывая снег в высокие сугробы, которые теперь громоздились вокруг дома. Зато окна и дверь снова освободились, и это было хорошо, потому что, когда под вечер Хайди с дедушкой сидели у огня, вдруг что-то застучало о деревянный порог, и дверь отворилась. То был Петер-козопас; это он стучал о порожек, отряхивая снег с башмаков. Вообще-то Петер был весь в снегу, потому что пробирался сквозь высокие сугробы. Но он не сдавался – так рвался к Хайди, которую не видел уже восемь дней.

– Добрый вечер, – сказал Петер, войдя, и тут же направился к огню; всё его лицо сияло довольством оттого, что он наконец добрался.

Хайди смотрела на него удивлённо, потому что он стоял к огню так близко, что снег на нём начал таять и Петер весь превратился в небольшой водопад.

– Ну, полководец, как дела? – спросил дедушка. – Остался без армии, приходится грызть карандаш?

– Почему он должен грызть карандаш, дед? – тут же спросила любознательная Хайди.

– Зимой он должен ходить в школу, – объяснил дедушка. – Поскольку там учатся читать и писать, а это порой бывает трудно, немножко помогает, если погрызть карандаш.

Не правда ли, полководец?

– Да, это верно, – подтвердил Петер.

У Хайди мгновенно родилось очень много вопросов к Петеру про школу и про всё, что там бывает, что там видно и что слышно, а поскольку беседа, в которой принимал участие Петер, всегда требовала много времени, он успел высохнуть с ног до головы. Ему всегда было очень трудно облечь в слова то, что он хотел передать; а на сей раз это давалось ему особенно тяжело, потому что едва он успевал подобрать нужные слова для одного ответа, как Хайди уже забрасывала его двумя или тремя новыми вопросами, да ещё такими, которые требовали ответа в целую фразу.

Дедушка не участвовал в беседе, но улыбка всё чаще появлялась в уголках его рта, и это означало, что он слушает.

– Так, полководец, ты вышел из огня, и тебе необходимо подкрепление, идём! – С этими словами дедушка поднялся и достал из шкафа ужин, а Хайди пододвинула стулья к столу.

К этому времени дед уже давно приладил к стене лавку; раз уж он был теперь не один, он тут и там соорудил сиденья для двоих, поскольку Хайди имела привычку всюду следовать за дедом, куда бы он ни шёл, где бы ни стоял, где бы ни сидел. Они втроем удобно устроились за столом, и Петер выпучил глаза, увидев, какой изрядный кусок вяленого мяса Дядя Альм положил на его ломоть хлеба. Петеру давно такого не перепало. Когда приятный ужин подошёл к концу,

уже стало темнеть, и Петер собрался в обратный путь. Уже стоя в дверях и сказав «доброй ночи» и «спаси вас Бог», он добавил:

– В воскресенье я опять приду, это будет ровно через неделю, а ещё бабушка велела сказать, чтобы ты к ней зашла.

Для Хайди было совершенным открытием, что её где-то ждут, но эта мысль в ней укоренилась, и уже на следующее утро она первым делом заявила:

– Дед, мне же надо вниз, к бабушке, она меня ждёт.

– Снег слишком глубокий, – отговорился дедушка.

Но намерение прочно засело в голове Хайди: раз уж бабушка велела ей прийти, то так тому и быть. И не проходило дня, чтобы ребёнок не напомнил по нескольку раз:

– Дед, мне же надо идти, ведь бабушка там меня ждёт не дождётся.

На четвёртый день, когда на улице всё трещало и скрипело от мороза, а снежный покров застыл прочным настом, но солнце при этом весело заглядывало в окно, Хайди вновь завела свою шарманку:

– Дед, мне надо идти к бабушке, а то она устала, наверное, ждать.

Тут дед встал из-за стола, принёс с сеновала рядом, которое служило Хайди одеялом, и сказал:

– Идём.

Радостный ребёнок поскакал за ним вслед из дома. В старых елях на сей раз было тихо, на еловых лапах лежал снег,

и солнце сверкало и вспыхивало в деревьях с таким великолепием, что Хайди от восторга прыгала, то и дело выкрикивая:

– Иди сюда, дед, иди сюда! Сплошное серебро и золото на ёлках!

А дед тем временем достал из сарая широкие салазки с приделанной впереди штангой. Направлять движение таких салазок приходилось ногами, опустив их и скользя по земле. Дед, оглядев ёлки по настоянию Хайди, сел на салазки, взял ребёнка к себе на колени, укутал его в рядно и крепко прижал к себе одной рукой, чтоб не выпал при спуске с горы. Потом ухватился другой рукой за штангу и оттолкнулся обеими ногами. Санки понеслись по склону вниз с такой быстротой, что Хайди почудилось, будто она летит по воздуху, словно птица, и ликующе завопила.

Санки остановились прямо перед лачугой Петера-козопаса. Дедушка поставил девочку на землю, выпростал её из рядна и сказал:

– Ну, теперь иди в дом, а как начнёт темнеть, поторопись в обратный путь.

И он развернул свои салазки и повёз их в гору.

Хайди вошла в тесную комнатку, где ей всё показалось чёрным. Там был очаг, на полке стояло несколько чашек. «Это кухонька», – догадалась Хайди. Дальше снова была дверь, Хайди открыла её и вошла в комнату. Эта лачуга не походила на горную пастушью хижину, как у деда, с одним

просторным помещением и сеновалом наверху, а представляла собой старый домишко, низенький, тесный и скудный. Войдя в комнатку, она сразу очутилась перед столом, у которого сидела женщина и латала фуфайку Петера; эту фуфайку Хайди сразу узнала. В углу сидела старая, согбенная бабулька и пряла шерсть.

Хайди сразу разобралась, кто есть кто; она напрямик двинулась к пряхе и сказала:

– Добрый день, бабушка, вот я и пришла к тебе. А ты думала, я не скоро приду?

Бабушка подняла голову и на ощупь стала искать руку, протянутую ей для приветствия, а наткнувшись на неё, некоторое время задумчиво ощупывала в своей ладони, потом сказала:

– Никак, это дитяtko сверху, от Дяди Альма. Ты Хайди?

– Да-да, – подтвердил ребёнок, – я только что приехала с дедом оттуда на санках.

– Как такое может быть? У тебя такая тёплая ладошка! Что, Бригитта, Дядя Альм сам привёз ребёнка?

Мать Петера, Бригитта, латавшая фуфайку, встала из-за стола и с любопытством оглядела ребёнка с головы до ног, потом сказала:

– Не знаю, мать, приехал ли с ней сам Дядя Альм. Это вряд ли. А ребёнку почём знать?

Но Хайди с недоумением посмотрела на женщину и уверенно произнесла:

– Очень даже хорошо знаю, кто завернул меня в одеяло и привёз на санках вниз, – это дед.

– Видать, правду говорил всё лето Петер про Дядю Альма, а мы-то думали, он сам не знает, что несёт, – сказала бабушка. – Кто бы мог поверить, что такое возможно. Я-то боялась, что ребёнок там и трёх недель не протянет. Как она выглядит, Бригитта?

Та уже успела рассмотреть Хайди со всех сторон.

– Она такая же изящная, как была Адельхайд, – ответила Бригитта. – Но у неё чёрные глаза и курчавые волосы, какие были у Тобиаса и какие у старика наверху. Я думаю, она похожа на обоих.

Между тем Хайди стояла без дела. Она крутила головой по сторонам, всё как следует разглядывая, и наконец сказала:

– Смотри, бабушка, у вас там ставня болтается туда-сюда и стучит. Дед бы мигом забил гвоздь и всё закрепил, а то ещё разобьёт вам стекло. Смотри, смотри, что делается!

– Ах, деточка, – вздохнула бабушка, – видеть-то я не могу, а вот слышу хорошо, и слышу не только ставню. Всё у нас расшаталось и стучит-скрипит, когда подует ветер. А он поддувает отовсюду, всё так и ходит ходуном. Ночью мои-то оба спят, а я лежу и боюсь, что однажды всё обрушится и придавит нас всех насмерть. Ах, и некому починить избушку, Петер пока ничего не умеет.

– А почему ты не можешь посмотреть, что делает ставня? Посмотри-ка туда, вон туда. – И Хайди показала пальцем.

– Ах, деточка, я ведь ничего не вижу, не только ставню, – пожаловалась бабушка.

– А если я выйду наружу и открою ставню, тогда будет светло – и ты увидишь?

– Нет-нет, я и тогда не увижу, светло мне уже никто не сделает.

– А если ты сама выйдешь наружу, на белый снег, тогда ведь тебе будет светло. Пойдём со мной, бабушка, я тебе покажу. – Хайди взяла бабушку за руку и хотела вывести её из избышки, испугавшись, что старушке нигде нет света.

– Лучше я посижу, деточка. Мне всё равно будет темно, хоть на снегу, хоть на свету, свет уже не пробивается в мои глаза.

– Тогда, может, летом, бабушка, – Хайди лихорадочно искала выход, – знаешь, когда солнце припекает целый день, а потом говорит «спокойной ночи», и горы начинают гореть огнём, и все жёлтые цветы сверкают, тогда-то тебе будет опять светло?

– Ах, детка, я больше никогда не увижу ни огненных гор, ни золотых цветочков наверху, мне уже не будет света на земле, нигде.

Тут Хайди горько расплакалась. Сквозь рыдания она то и дело повторяла:

– Кто может сделать тебе светло? Неужели никто? Совсем никто?

Бабушка пыталась утешить ребёнка, но это удалось ей не

так скоро. Хайди почти никогда не плакала, но если уж начинала, то долго не могла остановиться. У бабушки от её рыданий разрывалось сердце, и она пробовала и так и этак успокоить дитя. Наконец сказала:

– Иди сюда, моя славная Хайди, подойди ко мне, я хочу тебе что-то сказать. Видишь ли, когда человек не видит, то он очень рад слышать всякое доброе слово, и мне так приятно слышать, когда ты не плачешь, а говоришь. Иди сюда, сядь рядом и расскажи мне, как ты живёшь там, наверху, что делаешь и что делает дедушка. Раньше я его хорошо знала, но вот уже много лет я о нём ничего не слышала, разве что от Петера, но Петер у нас не очень-то разговорчив.

Тут в голову Хайди пришла новая мысль. Она быстро вытерла слёзы и сказала:

– погоди, бабушка, я всё расскажу деду, он тебе сделает светло и починит избушку, чтобы она не развалилась, – он всё умеет.

Бабушка молчала, и Хайди принялась с живостью рассказывать ей о своей жизни у дедушки, и о днях, проведённых на пастбищах, и о том, сколько всего он умеет изготовить из дерева: табуретки, скамейки, красивые ясли, в которые можно задавать сено Лебедушке и Медведушке, и новый большой ушат для купания летом, и новую кружку для молока, и ложки. Хайди всё оживлённее пускалась в описание тех красивых предметов, которые так неожиданно возникают в руках деда из обыкновенного полена, и как она стоит

рядом с ним и смотрит, и как ей самой хочется уметь всё это делать. Бабушка слушала с большим вниманием и время от времени вставляла:

– Ты слышишь, Бригитта? Слышишь, что она про Дядю говорит?

Внезапно рассказ был прерван громким топотом у двери, и в избушку ввалился Петер, но тут же остановился, вытаращив на Хайди свои округлившиеся от удивления глаза.

Она крикнула ему:

– Добрый вечер, Петер!

И он радостно расплылся до ушей.

– Надо же, и этот уже из школы вернулся! – изумлённо воскликнула бабушка. – Давно день не пролетал у меня так быстро, уже много лет! Добрый вечер, Петерли! Как там у тебя продвигаются дела с чтением?

– Всё так же, – ответил Петер.

– Ну-ну. – Бабушка вздохнула. – А я-то надеялась, наступят перемены, когда тебе стукнет двенадцать лет в феврале.

– А почему должны наступить перемены, бабушка? – тут же с интересом спросила Хайди.

– Я всё надеюсь, что он хоть чему-то научится, – сказала бабушка, – читать то есть. У меня на полке лежит старая псалтирь, там такие красивые псалмы, а я их уже так давно не слышала, на память не помню. Вот я и ждала, когда Петерли научится читать, чтоб прочитал мне иной раз какой-нибудь псалом, а он никак не выучится, ему не по силам.

– Зажечь, что ли, свет, уже темнеет, – сказала мать Петера, которая всё это время латала фуфайку. – Я тоже не заметила, как день пролетел.



Тут Хайди спрыгнула со своего стульчика, торопливо протянула бабушке руку и сказала:

– Доброй ночи, бабушка, мне дед велел идти домой, как только стемнеет.

Она протянула руку по очереди Петеру и его матери и побежала к двери. Но бабушка озабоченно воскликнула:

– Постой, постой, Хайди, одна-то не ходи, пусть Петер тебя проводит, слышишь? Смотри за ребёнком, Петерли, чтобы она не упала, да не останавливайтесь нигде, чтоб она не замёрзла, слышишь? На ней хотя бы тёплый платок есть?

– У меня нет платка, – крикнула в ответ Хайди, – но я не замёрзну! – С этими словами она юркнула за дверь и так проворно побежала, что Петер едва поспевал за ней.

Но бабушка взволнованно воскликнула:

– Беги за ней, Бригитта, беги, замёрзнет ведь, уже ночь на дворе, прихвати мою шаль, беги скорее!

Бригитта подхватилась и бросилась вдогонку. Но дети не сделали и нескольких шагов в гору, как увидели, что сверху к ним спускается дедушка.

– Молодчина, Хайди, слово держишь! – похвалил он, снова укутал ребёнка в дерюжку, взял на руки и пошёл с ней в гору.

Бригитта только и успела увидеть удаляющуюся спину старика с ребёнком на руках. Она вместе с Петером вернулась в хижину и с изумлением рассказала бабушке о том, что

видела. Та тоже принялась удивлённо охать, через слово повторяя:

– Слава Богу, что он так с ребёнком, слава Богу! Хоть бы он ещё раз отпустил её ко мне, такая радость от девчухи! Доброе сердечко, а как складно она умеет рассказывать!

Бабушка ещё долго восхищалась новой знакомой, пока не легла спать, и всё повторяла:

– Хоть бы она снова заглянула к нам! Нашлась и для меня на свете радость!

А Бригитта всякий раз соглашалась с ней, и Петер, растягивая в улыбке рот до ушей, удовлетворённо говорил:

– Я так и знал.

Между тем Хайди, укутанная в дерюжку, пыталась что-то сказать дедушке, но тот шумно дышал, поднимаясь со своей ношей в гору, а голосок ребёнка плохо пробивался сквозь толстую мешковину, и он окоротил её:

– Погоди немного, вот придём домой, тогда всё расскажешь.

Как только он наконец вошёл в хижину и высвободил ребёнка из дерюжки, девочка заявила:

– Дед, завтра мы должны взять молоток и большие гвозди и прибить у бабушки ставню и ещё много куда забить гвозди, а то у неё всё стучит и хлопает.

– Мы должны? Ага, мы, значит, должны. И кто тебе это сказал? – насторожённо спросил дедушка.

– Никто мне не сказал, я и так знаю, – ответила Хайди, –

ведь там ничего не держится крепко, а бабушке страшно, когда стучит и гремит, она не может заснуть и думает: «Вот сейчас всё рухнет прямо нам на голову». И ещё бабушке никогда не бывает светло, она не знает, как это сделать, но ты-то ведь знаешь, дед! Сам подумай, как грустно, когда всё время сидишь в темноте да ещё боишься, что обрушится дом, и ведь тут никто не поможет, кроме тебя. Давай пойдём завтра и поможем ей. Ведь правда же, дед, мы пойдём?

Хайди вцепилась в дедушку, взглядывая на него снизу с непоколебимой верой. Старик некоторое время смотрел на неё, потом вздохнул:

– Хорошо, Хайди, давай сделаем так, чтобы у бабушки больше ничего не громыhalo, это мы можем. Завтра, так и быть.

Тут девочка принялась от радости прыгать по всему дому, раз за разом повторяя:

– Завтра, так и быть! Завтра, так и быть!

Дедушка слово сдержал. На следующий день после обеда состоялся такой же спуск на салазках. Как и накануне, старик высадил ребёнка у входа в хижину Петера-козопаса и сказал:

– Иди в дом, а когда стемнеет, выходи. – А сам пошёл вокруг избушки.

Едва Хайди появилась в дверях, как бабушка воскликнула из своего угла:

– Никак ребёнок пришёл! Это Хайди! – И на радостях даже выпустила из рук нить и остановила колесо прялки, что-

бы протянуть навстречу ребёнку обе руки.

Хайди подбежала к ней, уселась на низенькую скамеечку и принялась рассказывать бабушке обо всём, что приходило на ум, не забывая и её расспрашивать. Вдруг весь дом задрожал от мощных ударов. Бабушка в испуге вздрогнула, чуть не опрокинув прялку, и вскричала:

– Ах ты, Господи, вот и конец пришёл, всё рушится!

Но Хайди стиснула её руку и успокоила:

– Нет-нет, бабушка, не бойся, это мой дед с молотком, он сейчас всё накрепко прибьёт, чтобы ты больше не боялась.

– Неужто такое может быть? Неужто? Знать, не совсем забыл нас Господь! – воскликнула бабушка. – Ты слышала, Бригитта, что делается, ты слышала? И впрямь это молоток! Выйди, Бригитта, и если это Дядя Альм, то скажи ему, чтоб потом зашёл на минутку, спасибо ему скажу.

Бригитта выбежала за дверь. Дядя Альм как раз вгонял в стену новые крючья. Женщина подошла к нему:

– Добрый вечер, Дядя, и мать тоже вам кланяется. Мы вас хотим поблагодарить, что вы нам оказываете такую милость, а мать просит вас зайти, она хочет лично сказать спасибо. Конечно, кто бы нам ещё это сделал, мы вам этого не забудем, потому что, конечно...

– Закругляйся уже, – перебил её старик, – я и так знаю, что вы про Дядю Альма думаете. Иди уж. Что мне будет нужно, сам найду.

Бригитта мигом подчинилась, потому что у Дяди была та-

кая манера – говорить строго, в приказном тоне, не так-то просто это было выдержать.

Дед стучал и гремел, обходя домик со всех сторон, потом поднялся по узкой лесенке под самую крышу и продолжал стучать там, пока не вбил последний гвоздь из тех, что принёс с собой.

Между тем уже спускались сумерки, и едва он сошёл с лестницы и приготовил свои салазки, как в дверях показалась Хайди. Он, как и вчера, укутал её в дерюжку и взял на руки, а салазки повёз за собой, потому что, посади он Хайди в санки одну, дерюжка бы на ней не удержалась и она бы замёрзла.

Так продолжалась зима. В безрадостную жизнь слепой бабушки впервые после многих лет вошла нечаянная радость, и дни её стали не такими долгими и тёмными, похожими один на другой. Она уже с раннего утра прислушивалась, не зачистят ли по снегу быстрые шаги, не откроется ли дверь, и, когда девочка действительно вприпрыжку вбегала, бабушка всякий раз восклицала:

– Слава Богу! Опять пришла!

Хайди подсаживалась к ней и болтала без умолку, рассказывая обо всём, что знала, да так весело, что у бабушки радовалось сердце, а часы пробегали незаметно, и она уже больше не спрашивала, как раньше: «Бригитта, день ещё не кончился?», а, наоборот, когда за Хайди закрывалась дверь, говорила: «Как же быстро вечер пролетел! Правда же, Бригит-

та?» Та отвечала: «Ещё бы, вроде бы только что пообедали». И бабушка продолжала: «Сохрани Господь мне это дитя, а Дяде Альму доброго здоровья! Как он на вид, Бригитта, крепок ли?» И та всякий раз обнадеживала: «Да как яблоко наливное!»

Хайди тоже привязалась к старушке, и, когда вспоминала, что той уже никто, даже дед, не сможет сделать светло, её опять охватывала кручина. Но бабушка ей говорила, что это не такая большая беда, когда она рядом, и Хайди прибегала всякий погожий зимний день. Дедушка без лишних слов продолжал приходить сюда, прихватив ящик с инструментами, и порой по полдню обстукивал домишко Петера-козопаса. Это возымело действие: больше здесь ничего не хлопало и не скрипело по ночам, и бабушка говорила, что давно так крепко не спала и что этого она Дяде вовек не забудет.

Визит, и затем ещё один – с более важными последствиями

Быстро прошла зима и ещё быстрее – весёлое лето после неё, вот уж и новая зима приближалась к концу. Хайди жила радостно и счастливо – как птичка небесная, – и с каждым днём нарастало её предвкушение близкой весны, поскольку тёплый альпийский ветер «фён» шумел в верхушках елей и съедал снег до самой земли, после чего ясное солнце выманивало наружу голубые и жёлтые цветочки, и надвигалось время выпаса, которое приносило с собой всё самое лучшее, что могло быть на земле. Хайди шёл уже восьмой год, она многому научилась от дедушки: управлялась с козами не хуже него самого, и Лебедушка с Медведущкой бегали за ней по пятам, словно верные собачки, и громко блеяли от радости, едва заслышав её голосок.

Этой зимой Петер уже дважды приносил от учителя из Деревушки напоминание, что Дядя Альм должен отдать в школу ребёнка, который у него воспитывается, по возрасту девочке давно пора, и эту зиму она уже должна была посещать уроки. Оба раза Дядя велел передать школьному учителю, что если тому что-то нужно от него, то он дома, а ребёнка в школу не отдаст. И Петер всё это исправно передавал.

Когда мартовское солнце растопило на склонах снег, в долине повсюду выглядывали подснежники, а лапы елей на

альме снова весело колыхались, освободившись от зимнего груза, Хайди без устали сновала туда-сюда: от двери дома к козьему хлеву, оттуда к елям, потом снова в дом к дедушке, чтобы сказать ему, насколько расширилась зелёная проталина под деревьями, а после этого опять бежала глянуть на проталину, не в силах дожидаться, когда же всё зазеленеет и на альпийские луга окончательно вернётся зелёное, цветастое лето.

Однажды солнечным мартовским утром, когда Хайди в упоении бегала взад и вперёд и как раз собиралась в десятый раз прыгнуть из дома за порог, она чуть не упала от неожиданности, столкнувшись в дверях лицом к лицу с пожилым господином во всём чёрном, который глянул на неё пристально и строго. Но, заметив её испуг, миролюбиво сказал:

– Не бойся меня, я люблю детей. Дай мне руку! Ты ведь Хайди? Где дедушка?

– Он вырезает из дерева ложки, – ответила Хайди и распахнула перед гостем дверь.

То был старый господин пастор из Деревушки, много лет назад он хорошо знал Дядю, когда тот ещё жил внизу по соседству с ним. Господин вошёл в хижину и шагнул к старику, склонившемуся над своей резьбой:

– Доброе утро, сосед.

Тот удивлённо поднял голову, встал и ответил:

– Доброго утра господину пастору. – Потом подвинул го-

стю табурет и продолжил: – Если господина пастора не испугает деревянное сиденье.

Господин пастор сел.

– Давно я вас не видел, сосед, – сказал он.

– Я тоже господина пастора давненько.

– Сегодня я пришёл, чтобы кое-что обсудить с вами, – снова начал господин пастор. – Думаю, вы даже знаете, в чём состоит моё дело, по которому я хотел с вами объясниться и услышать ваше мнение.

Господин пастор замолчал и посмотрел на Хайди, которая так и стояла в дверях, внимательно разглядывая гостя.

– Хайди, поди к козам, – сказал дедушка. – Можешь взять для них немного соли и останься с ними, пока я к вам не выйду.

Хайди тотчас исчезла.

– Ребёнок ещё год назад, а уж в эту зиму точно должен был ходить в школу, – сказал господин пастор. – Учитель вам передавал напоминание, но вы так и не дали ответа. Как вы намерены поступить с ребёнком, сосед?

– Я не намерен отдавать её в школу, – последовал ответ.

Господин пастор удивлённо посмотрел на старика, который сидел на лавке, скрестив руки на груди, и вид имел непоколебимый.

– И что вы хотите сделать из ребёнка? – поинтересовался господин пастор.

– Ничего, она растёт себе и развивается вместе с козами

и птичками. Ей с ними привольно, и ничему дурному они её не научат.

– Но ребёнок не коза и не птица, она – человеческое дитя. Девочка хотя и не научится от этих своих товарищей ничему дурному, но и другому ничему не научится. А ведь она должна чему-то научиться, и этому настала пора. Я пришёл, чтобы своевременно сказать вам это, сосед, чтобы вы одумались и за лето смогли подготовиться. Эта зима была последней, когда ребёнок оставался без занятий. Следующей зимой он пойдёт в школу и будет ходить туда каждый день.



– Этого не будет, господин пастор, – непреклонно заявил

старик.

– Неужели вы в самом деле полагаете, что нет средства образумить вас, если так упорствуете в ваших безрассудных действиях? – сказал господин пастор, на сей раз с некоторой горячностью. – Вы обошли весь мир и много повидали, много сумели научиться. Я надеялся встретить у вас больше понимания, сосед.

– Так, – произнёс в свой черёд старик, и голос выдавал, что он тоже выбился из состояния внутреннего спокойствия. – Неужели господин пастор полагает, что следующей зимой я каждое студёное утро буду посылать этого хрупкого ребёнка вниз в пургу и снегопад, ведь тут два часа пути в один конец, а к ночи ей возвращаться в гору, а метёт здесь порой так, что и наш брат задохнуться может на ветру и в снегу, а что говорить про ребёнка? Может, господин пастор ещё помнит её мать, Адельхайд? Она была лунатичка, с ней случались припадки – и чтобы ребёнок от перегрузок тоже получил нечто такое? И вы хотите меня принудить! Да я пойду с этим в любой суд, и тогда посмотрим, кто меня заставит!

– Вы правы, сосед, – примирительно сказал господин пастор. – Никуда не годится, чтобы ребёнок ходил в школу отсюда. Я вижу, ребёнок вам дорог. Сделайте ради него то, что вы давно уже должны были сделать: вернитесь в Деревушку и живите опять среди людей. Что за жизнь тут у вас наверху, в одиночестве и ожесточении против всего мира! А случись

что с вами, кто придёт на помощь? Я тоже не могу понять, ради чего вы всю зиму напролёт мёрзнете тут в вашей лачуге и как это может выдержать хрупкое дитя!

– У ребёнка молодая кровь и тёплое одеяло – вот что я хочу сказать господину пастору. И потом ещё одно: я знаю, где взять дрова, и знаю, когда пора их заготавливать. Господин пастор может заглянуть ко мне в сарай, там есть запасы, в моей хижине огонь не затухает всю зиму. А то, что предлагает господин пастор насчёт переезда вниз, это не для меня: люди там, внизу, пренебрегают мной, я ими тоже, мы держимся подальше друг от друга, так-то оно лучше для всех.

– Нет-нет, для вас не лучше. Я знаю, чего вам не хватает, – сказал господин пастор с сердечностью в голосе. – С пренебрежением людей дела обстоят не так плохо. Поверьте мне, сосед. Ищите примирения с вашим Богом, просите у Него прощения, за что сочтёте нужным, и потом сами увидите, как люди повернутся к вам совсем другой стороной и как вам ещё хорошо будет.

Господин пастор поднялся, протянул старику руку и ещё раз сказал со всей сердечностью:

– Я рассчитываю на то, сосед, что следующей зимой вы снова будете с нами внизу и мы опять станем старыми, добрыми соседями. Совсем не хотелось бы применять к вам меры принуждения. Дайте мне руку в знак того, что вы спуститесь к нам и снова будете жить среди нас, примирившись с Богом и людьми.

Дядя Альм подал господину пастору руку и сказал определённо и твёрдо:

– Господин пастор прав по отношению ко мне. Но того, чего он ожидает, я не сделаю. Это я говорю уверенно и бесповоротно: ребёнка я в школу не пушу и сам вниз не вернусь.

– Тогда помогай вам Бог! – с печалью сказал господин пастор, вышел из дома и, понурившись, побрёл вниз по склону.

Дядя Альм был расстроен. Когда после обеда Хайди попросилась к бабушке, он скупно ответил:

– Не сегодня.

Весь день он молчал, а на следующее утро, когда Хайди спросила:

– А сегодня пойдём к бабушке? – он был скуп на слова так же, как и на интонации, и сказал лишь:

– Посмотрим.

Но ещё до того, как опустели их обеденные миски, дверь снова распахнулась.

На сей раз это была тётя Дета. На голове у неё красовалась шляпа с пером, а подол платья мёл всё, что валялось на полу, а валялось в хижине много чего такого, что для платья было совершенно нежелательным. Дядя оглядел её с головы до ног и не произнёс ни слова. Но тётя Дета, как видно, подготовилась к тому, чтобы провести разговор в самой дружелюбной форме, потому что с порога начала восхищаться, как хорошо выглядит Хайди: мол, она её даже не узнала, сразу видно, что плохо ей у дедушки не было. Но, мол, сама-то она всё время

думала о том, как бы снова забрать девочку, ведь она понимает, что малышка, должно быть, ему помеха, но на тот момент ей просто некуда было её пристроить, а вот сегодня она потому и примчалась, что прослышала кое о чём, что могло бы облагодетельствовать Хайди настолько, что и поверить трудно. Прослышав, она, дескать, не откладывая приложила к делу старания и теперь может сказать, что почти всё устроила и что Хайди повезло так, как не повезёт и одной из сотни тысяч. Жутко богатые родственники её хозяев, живущие чуть ли не в самом лучшем доме Франкфурта, имеют единственную дочку, которая прикована к инвалидному креслу, потому что парализована на одну сторону да и в целом нездорова, и она всё время одна, и учитель занимается с ней одной, а ей это скучно, да и вообще ей не с кем поиграть, и об этом зашёл разговор у её хозяев, мол, неплохо бы найти такого ребёнка, как описала дама, которая в том доме ведёт хозяйство, потому что её хозяин очень жалеет больную дочку и хотел бы ей подыскать подружку для игр. А дама-экономка сказала, что нужна девочка неиспорченная и своеобразная, не такая, как все, кого видишь вокруг. И она, Дета, сразу подумала про Хайди и побежала в тот дом и всё расписала той даме про Хайди и про её характер, и дама сразу согласилась. Теперь ни один человек не должен знать, какое Хайди выпало счастье и благо, ведь когда она окажется там и если придётся тем людям ко двору, то в случае, если с их собственной дочкой будет совсем неладно – как знать, ведь она такая

слабенькая – и если те люди не захотят совсем осиротеть без ребёнка, то ведь может выпасть Хайди неслыханное счастье.

– Ты скоро уймёшься? – перебил её Дядя, который за всё это время не мог вставить в разговор ни слова.

– Фу, – ответила Дета, вскинув голову. – Можно подумать, я вам говорю пустяки какие-нибудь, а ведь во всём Преттигау не сыщешь никого, кто не возблагодарил бы Бога небесного, получив такое известие, какое принесла вам я.

– Неси его кому хочешь, мне оно ни к чему, – сухо сказал Дядя.

Тут Дета взвилась ракетой и воскликнула:

– Да? Ну если вы так считаете, то и я могу вам сказать, как считаю я: ребёнку уже восемь лет, а он ничего не знает и не умеет, и вы не хотите отдать его в учение: вы не хотите отдать её ни в школу, ни в церковь, мне сказали об этом внизу, в Деревушке. А ведь это ребёнок моей единственной сестры. Я за неё в ответе, за всё, что с ней происходит, и если ребёнку выпадает такое счастье, как сейчас Хайди, то встать ей поперёк дороги может только тот, кому на неё плевать, как и на всех остальных людей, и кто никому не желает ничего хорошего. Но я не отступлюсь, это я вам сразу говорю, и все люди будут на моей стороне, нет в Деревушке ни одного человека, кто бы мне не помог и не выступил против вас. И если вам так хочется предстать перед судом, то берегитесь, Дядя: есть вещи, которые могут всплыть там на поверхность и про которые вам не хотелось бы слышать, а вам ли не знать, что

в суде докопаются до всего, о чём уже никто и не помнит...

– Замолчи! – выкрикнул Дядя, и глаза его вспыхнули огнём. – Забирай её и губи на своё усмотрение! И никогда больше не показывайся мне на глаза с ней, я не хочу её когда-нибудь увидеть в такой же шляпе с пером и с такими же речами на языке, как у тебя сейчас!

И Дядя широкими шагами вышел за дверь.

– Ты разозлила дедушку, – сказала Хайди, недобро сверкнув на тётю своими чёрными глазами.

– Ничего, успокойся. Идём, – поторапливала тётя. – Где твоя одежда?

– Я не пойду, – сказала Хайди.

– Что ты несёшь? – возмутилась тётя, потом слегка сбавила тон и продолжила уже мягче: – Идём, идём, ты не понимаешь, тебе будет так хорошо, как ты и представить себе не можешь.

И она шагнула к шкафу, достала оттуда вещи Хайди и увязала их в узел.

– Так, идём, возьми свою шапочку, хоть она и неважненькая, но сейчас это не имеет значения, надевай – и пошли.

– Я не пойду, – повторила Хайди.

– Не будь такой глупой и упрямой как коза, нашла с кого брать пример. Пойми ты, сейчас дед обозлился, ты же сама слышала, что он сказал: чтоб мы больше не показывались ему на глаза. Он сам захотел, чтобы ты ушла со мной, не зли его ещё больше. Даже не представляешь, как красиво во

Франкфурте и сколько нового ты там увидишь, а если тебе не понравится, всегда сможешь вернуться домой. К тому времени и дедушка как раз успокоится.

– А я могу вернуться нынче же вечером? – спросила Хайди.

– Да что ты, идём! Говорю же тебе, когда захочешь, тогда и вернёшься. Сегодня мы спустимся в Майенфельд, а завтра утром сядем на поезд, на котором ты потом в мгновение ока снова сможешь вернуться назад, – оглянуться не успеешь, так быстро летит поезд.

Тётя Дета повесила на локоть узелок с одеждой Хайди, а саму Хайди взяла за руку, и так они спустились с горы.

Время выгона скота на выпаса ещё не наступило, Петер пока что ходил в школу, в Деревушку, вернее, должен был ходить, но часто прогуливал занятия, ведь он считал, что ходить туда мало толку: читать ему было незачем, а вот побегать и найти прутья подлинней и покрепче – совсем другое дело, потому что они могли ему пригодиться.

Он как раз подходил к своей хижине с большой вязанкой длинных, крепких прутьев лещины за плечом. Увидев Дету и Хайди, идущих ему наперерез, он остановился и смотрел на них, а когда они поравнялись с ним, спросил, обращаясь к Хайди:

– Куда это ты?

– Я только съезжу во Франкфурт с тётей и вернусь. Но перед этим мне надо заглянуть к бабушке, она меня ждёт.

– Нет-нет, об этом не может быть и речи, мы и так опаздываем, – торопливо сказала тётя, крепко удерживая вырывающую руку Хайди. – К ней ты зайдёшь на обратном пути, когда вернёшься. А сейчас идём!

И она потянула Хайди дальше, не отпуская, потому что боялась: вдруг ребёнку снова вздумается заупрямиться, а бабушка ей в этом только поспособствует.

Петер влетел в избушку и с такой силой обрушил вязанку прутьев на стол, что всё задрожало, а бабушка от испуга вскочила перед своей прялкой и громко запричитала. Петеру надо было как-то отвести душу.

– Что стряслось? Что стряслось? – в страхе стенала бабушка, а мать, сидевшая за столом и едва успевшая отпрянуть от рухнувшей перед ней вязанкой, сказала со всей своей природной кротостью:

– Что с тобой, Петерли? Чего ты так беснуешься?

– Она забрала Хайди с собой! – объявил Петер.

– Кто? Кто? Куда, Петерли, куда? – сыпала вопросами взволнованная бабушка: судя по всему, она догадалась, что произошло, ведь дочь недавно сообщила ей, что видела, как Дета поднимается наверх к Дяде Альму. На ошупь подойдя к окну, бабушка распахнула его и с мольбой крикнула: – Дета, Дета, не забирай у нас ребёнка! Не отнимай у нас Хайди!

И Дета, и Хайди слышали голос, а Дета, пожалуй, и слова различила, поскольку ещё крепче сжала руку девочки и ускорила шаг.

Хайди стала упираться:

– Это бабушка кричала, мне надо к ней вернуться!

Но как раз этого тётя не могла допустить и принялась увещевать ребёнка тем, что приходится спешить, чтобы заблаговременно добраться до Майенфельда и завтра утром пораньше сесть на поезд, а уж там она сама увидит, как ей понравится во Франкфурте, ещё и уезжать оттуда не захочет; но если она всё же запросится домой, то конечно же поедет, но прежде ей надо будет припасти для бабушки какой-нибудь гостинец, чтобы порадовать её. Эта перспектива успокоила Хайди, и она зашагала вперёд без сопротивления.

– Что бы мне такое привезти для бабушки? – спросила она через некоторое время.

– Что-нибудь хорошее, – ответила тётя. – Можно, к примеру, белые мягкие булочки, то-то она обрадуется, ведь жёсткий чёрный хлеб ей уже не по зубам.

– Да, она его всё время отдаёт Петеру и говорит, что для неё он слишком жёсткий; это я сама слышала, – подтвердила Хайди. – Пойдём быстрее, тётя Дета, тогда мы, может, поспеем во Франкфурт ещё сегодня, и я быстренько обернусь с булочками.

Хайди припустила чуть ли не бегом, так что тётя с узлом на руке едва поспевала за ней. Но ей было только кстати, что девочка шагает быстро, потому что они уже достигли крайних домов Деревушки, а тут сейчас опять начнутся со всех сторон расспросы, которые могут сбить Хайди с толку. И она

шла за Хайди, так чтобы все видели, как ребёнок её торопит. На все оклики и вопросы, доносившиеся из окон и дверей, она отвечала одно и то же:

– Вы же видите, я не могу остановиться, ребёнок торопится, а нам ещё идти да идти.

– Ты забираешь её с собой? Она бежит от Дяди Альма? Это чудо, что она ещё жива. Да ещё и румянец во всю щёку! – слышалось со всех сторон, и Дета была рада, что прошла через Деревушку без задержки и что ей не пришлось никому ничего объяснять, а Хайди не проронила ни слова и лишь стремилась вперёд.

С этого дня Дядя Альм, когда ему случалось спускаться вниз, шёл по Деревушке с каменным лицом, ещё более неприступным и злым, чем прежде. Он ни с кем не здоровался и вид имел такой грозный – со своим вьюком на спине, огромным посохом в руке и хмурыми кустистыми бровями, – что женщины устрашали своих маленьких детей:

– Не шалите! Не то Дядя Альм заберёт вас к себе наверх!



Старик ни с кем в Деревушке не разговаривал, он проходил её насквозь, спускаясь ниже, в долину, где продавал свой сыр и запасался впрок хлебом и мясом. Когда он так шёл по улице, люди за его спиной собирались в кучки, чтобы поспудачить о том, что Дядя Альм дичает на глазах и даже никому не отвечает на приветствие. И все сходились на том, что для ребёнка было великим счастьем уйти от него, ведь все видели, как Хайди спешила прочь, как будто боялась, что старик пустится за ней в погоню. И только слепая бабушка сохраняла к Дяде Альму неизменное отношение, и, когда к ней поднимался кто-нибудь из Деревушки, чтобы принести

шерсть на прядение или забрать готовую работу, она всегда рассказывала, как заботлив и добр был Дядя Альм к ребёнку и что по-соседски сделал для них; как иной раз по полдня ходил вокруг их лачуги, латая и чиня всё, что плохо держалось, а без его помощи всё бы уже развалилось. Эти новости тоже доходили до Деревушки, но большинство склонялось к тому, что бабушка совсем стара и уже не в себе, что она не понимает происходящего и не слышит толком, к тому же ничего не видит.

В избушке козопасов Дядя Альм больше не появлялся, в этом не было никакой нужды: их домишко он починил надёжно. Теперь слепая бабушка опять начинала утро со вздохов, и не проходило дня, чтобы она не пожаловалась:

– Ах, с ребёнком у нас отняли последнюю радость. Всё опустело! Хоть бы мне ещё разок услышать Хайди, прежде чем я умру!

Новая глава, где одно только новое

Во Франкфурте, в доме господина Сеземана, в удобном кресле-каталке сидела, откинувшись на спинку, больная дочка Клара. В этом кресле она проводила все дни, в нём её возили из комнаты в комнату. Сейчас она сидела в так называемой учебной комнате, примыкавшей к просторной столовой. Здесь были расставлены и разложены предметы и приспособления, которые придавали комнате обжитой вид и показывали, что здесь обычно бывают подолгу. Большой красивый книжный шкаф со стеклянными створками подсказывал, откуда комната получила своё название: в этом помещении каждый день проводились уроки с парализованной дочкой.

У Клары было бледное, узкое личико; с него доброжелательно поглядывали голубые глаза, которые в настоящий момент были обращены к большим настенным часам. Часы, казалось, шли сегодня особенно медленно, поскольку Клара, обычно не проявлявшая нетерпения, сказала с заметным раздражением в голосе:

– Ну что, им всё ещё не пора, фройляйн Роттенмайер?

Последняя сидела за небольшим рабочим столом и вышивала. Она сидела с прямой спиной и была укутана в странное одеяние – не то большую пелерину, не то полупальто, – которое придавало её облику торжественный вид, подчёрки-

вавшийся чем-то вроде купола, водворённого на её голову. Фройляйн Роттенмайер уже много лет – с тех пор, как умерла хозяйка, – управляла всем в доме Сеземанов и руководила персоналом.

Господин Сеземан большую часть времени проводил в разъездах, оставляя весь дом на фройляйн Роттенмайер – правда, с условием, что его дочка будет во всём иметь право голоса и ничто не совершится против её желания.

В то время как наверху Клара уже второй раз с нетерпением пыталась фройляйн Роттенмайер, не пора ли уже появиться тем, кого ждали, внизу перед входом в дом остановилась Дета, держа Хайди за руку, и спросила у кучера Иоганна, который только что сошёл с облучка экипажа, не поздно ли тревожить фройляйн Роттенмайер.

– Это не моё дело, – проворчал кучер, – звоните, к вам спустится Себастиан.

Дета поступила, как ей было сказано, и дверь открыл слуга, облачённый в форменный камзол с большими пуговицами и почти такими же большими глазами на лице.

– Я хотела спросить, не помешаю ли я в такой час фройляйн Роттенмайер? – ещё раз повторила Дета.

– Это не моё дело, – ответил слуга, – звоните ещё раз, к вам выйдет горничная Тинетта. – И без дальнейших объяснений Себастиан скрылся внутри дома.

Дета снова позвонила. Теперь на лестнице показалась горничная Тинетта в ослепительно-белой шляпке на голове

и с насмешливой миной на лице.

– В чём дело? – спросила она сверху, не спускаясь по лестнице.

Дета повторила свой вопрос. Горничная Тинетта исчезла, но вскоре появилась снова и крикнула с лестницы:

– Вас ждут!

Теперь Дета поднялась с Хайди по лестнице и, следуя за горничной Тинеттой, вошла в учебную комнату. Тут Дета почтительно остановилась в дверях, на всякий случай не выпуская руку Хайди: мало ли что взбредёт в голову дикому ребёнку в незнакомой обстановке.

Фройляйн Роттенмайер медленно поднялась со своего стула и подошла ближе, чтобы рассмотреть как следует будущую подругу дочери хозяина дома. То, что она увидела, её не особенно удовлетворило. Хайди была одета в простую хлопчатобумажную тужурку, на голове мятая соломенная шляпка. Ребёнок простодушно поглядывал из-под этой шляпки, с нескрываемым удивлением озирая башню на голове дамы.

– Как твоё имя? – спросила фройляйн Роттенмайер после того, как несколько минут испытующе разглядывала ребёнка, тоже не сводившего с неё глаз.

– Хайди, – отчётливо ответила та звонким голосом.

– Как-как? Но это же не христианское имя? Не может быть, чтобы тебя им крестили. Какое имя ты получила при крещении? – продолжала допрашивать фройляйн Роттенмайер.

– Я уже не помню, – ответила Хайди.

– Вот так ответ! – укоризненно заметила дама, покачав головой. – Барышня Дета, ребёнок ограниченный или склонный к насмешкам?

– С вашего позволения и если госпожа разрешит, то я бы лучше сама отвечала за ребёнка, – сказала Дета, незаметно ткнув Хайди в бок за неподобающий ответ. – Но Хайди не ограниченная и не склонная к насмешкам, такое ей и в голову не могло прийти: она говорит то, что думает. Но сегодня девочка впервые очутилась в господском доме и не знает хороших манер, однако она послушная и обучаемая, если госпожа будет к ней снисходительна. Крещена Хайди именем Адельхайд, как и её мать, моя покойная сестра.

– Ну, хорошо, это хотя бы имя, которое можно произнести, – заметила фройляйн Роттенмайер. – Но, барышня Дета, я должна вам сказать, что ребёнок кажется мне слишком маленьким. Я говорила вам, что подруга для фройляйн Клары должна быть того же возраста, чтобы могла успевать за ней на уроках и вообще делить с ней все её занятия. Фройляйн Кларе уже двенадцать полных лет. Сколько лет ребёнку?

– С позволения госпожи, – как всегда, словоохотливо заговорила Дета, – я и сама как-то не уследила и толком не помню, сколько ей лет. Она и впрямь немного помладше, но вряд ли намного, в точности я затрудняюсь сказать, ей что-то около десяти лет или чуть больше, я думаю.

– Мне сейчас восемь, дедушка говорил, – объявила Хай-

ди.

Тётя снова ткнула её в бок, но Хайди не поняла почему и ничуть не смутилась.

– Что, всего восемь лет?! – воскликнула фройляйн Роттенмайер с заметным возмущением. – На четыре года младше! Что нам это даст? И чему же ты училась? По каким книгам ты занималась?

– Ни по каким, – ответила Хайди.

– Как? Что? А как же ты научилась читать? – допытывалась дама.

– Я не умею читать, и Петер тоже не умеет, – поведала Хайди.

– Боже милостивый! Ты не умеешь читать? Ты в самом деле не умеешь читать? – в ужасе восклицала фройляйн Роттенмайер, не в силах поверить в такое. – Как это возможно – не уметь читать?! А чему же ты училась?

– Ничему, – простодушно ответила Хайди.

– Барышня Дета, – строго сказала фройляйн Роттенмайер спустя несколько минут, в течение которых она пыталась овладеть своими чувствами, – всё не так, как мы договаривались. Как вы могли привести ко мне это существо?

Но Дету не так просто было запугать. Она ответила со всей решимостью:

– С позволения госпожи, ребёнок именно такой, какого вы, по моему мнению, хотели. Госпожа описывала мне, каким он должен быть: совершенно особенным и не таким, как

все. Вот я и взяла малышку, потому что старшие у нас уже не такие необычные, и я думала, эта как раз подойдёт к вашему описанию. Но мне сейчас уже нужно идти, меня ждут мои хозяева. Но скоро я снова приду, когда хозяева меня отпустят, и тогда посмотрим, что и как.

Сделав книксен, Дета выскользнула за дверь и быстрыми шагами сбежала по лестнице. Фройляйн Роттенмайер мгновение стояла не шевелясь, затем бросилась ей вдогонку, – должно быть, она вспомнила, что ей надо ещё многое обсудить с Детой в случае, если ребёнок останется здесь, а он и впрямь остался, и, как поняла фройляйн, Дета и не собиралась забирать его с собой.

Хайди так и стояла на том же месте у двери, где её оставили. До сих пор Клара молча взирала на всё происходящее из своего кресла. Теперь она махнула Хайди рукой:

– Иди сюда!

Хайди подошла к креслу-каталке.

– Тебе как больше нравится, чтоб тебя звали: Хайди или Адельхайд? – спросила Клара.

– Меня зовут только Хайди, а больше никак, – ответила Хайди.

– Так я и буду тебя звать, – сказала Клара, – мне нравится, имя тебе подходит, хоть я его и не слышала никогда. Я и детей никогда не видела таких, как ты. У тебя всегда такие волосы – короткие и курчавые?

– Да, других не было, – ответила Хайди.

– Ты довольна, что приехала во Франкфурт? – расспрашивала Клара.

– Нет, но завтра я уже опять вернусь домой и привезу бабушке белых булочек! – заявила Хайди.

– Какая ты забавная! – воскликнула Клара. – Тебя же специально привезли во Франкфурт, чтобы ты осталась у меня и брала со мной вместе уроки, и увидишь, как будет весело, потому что ты совсем не умеешь читать, это внесло бы в занятия что-то новенькое. А то мне бывает иной раз ужасно скучно, и утро тянется без конца. Видишь ли, каждое утро в десять часов является господин Кандидат – и начинаются уроки, и это длится до двух часов дня, это так долго! Господин Кандидат, бывает, поднесёт книгу прямо к глазам, как будто он вдруг стал совсем близоруким, а на самом деле он там за книгой зевает во весь рот, а фройляйн Роттенмайер тоже время от времени достаёт свой огромный носовой платок и закрывает им всё лицо – так, будто она крайне взволнована тем, что мы читаем; но я-то знаю, что она, прикрывшись платком, ужасно зевает, а мне от этого тоже сильно зеваются, но мне приходится с этим бороться, потому что, если я зевну хоть раз, фройляйн Роттенмайер сейчас же притащит рыбий жир и скажет, что я опять слаба, а пить рыбий жир – страшнее этого нет ничего, и уж лучше я подавлю зевок. Но теперь будет гораздо интереснее, ведь я буду слушать, как ты учишься читать.

Хайди с большим сомнением покачала головой, услышав

про обучение чтению.

– Нет-нет, Хайди, хочешь не хочешь, тебе придётся научиться читать, все люди должны уметь читать, а господин Кандидат очень хороший, он никогда не сердится, и уж он тебе всё объяснит. Но видишь ли, в чём дело: когда он объясняет, ничего нельзя понять, тогда надо просто ждать и ничего не говорить, не то он начнёт объяснять ещё больше, и тогда понимаешь ещё меньше. Но потом, спустя время, когда ты уже чему-то выучишься и что-то знаешь, тогда становится понятно, что он хотел сказать.

Тут в комнату вернулась фройляйн Роттенмайер. Она так и не смогла вернуть Дету и была этим явно взволнована, ведь, собственно, не сумела ей сказать со всей определённо-стью, что ребёнок не такой, как договаривались. Теперь она не знала, как всё отменить, и волновалась тем больше оттого, что сама же всё и затеяла. Она побежала из учебной комнаты в столовую напротив, вернулась оттуда, но, тут же развернувшись, опять бросилась в столовую, напустившись там на Себастиана, который в это время задумчиво оглядывал накрытый стол, чтобы проверить, не упустил ли он чего.

– Отложите ваши великие мысли на завтра и сделайте наконец так, чтобы мы ещё сегодня смогли сесть за стол.

С этими словами фройляйн Роттенмайер пронеслась мимо Себастиана и стала звать Тинетту столь малоприветливым тоном, что горничная Тинетта присеменила ещё более мелкими шагами, чем обычно, и предстала перед ней с та-

ким насмешливым лицом, что даже фройляйн Роттенмайер не отважилась на неё накинуться, и от этого волнение распирало её изнутри ещё больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.